

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 108, сентябрь 2023

СМЕНА ЭПОХИ

МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЗАПАДОМ

Связь СССР, а затем России, с мировым рынком, в разворачивании процессов интернационализации и их влияние на баланс сил на протяжении десятилетий были путеводной нитью, проходящей через наш марксистский анализ динамики российского империализма.

В конце 1990-х годов во введении к книге "Кризис государственного капитализма" мы указали на закон интернационализации, обозначенный в статье Арриго Черветто от января 1960 года "От сталинской автаркии к единому мировому рынку": «Сталин попытался потеоретизировать о несуществующем расколе мирового рынка надвое: на практике речь шла не о расколе, а об определённом автаркическом закрытии в период так называемой "холодной войны". [...] Когда процесс интеграции СССР в мировой империалистический рынок будет окончательно завершён, "советское" экономическое развитие воспользуется всеми преимуществами общности с традиционными империалистическими группами и получит возможность для усиления руководящего бюрократического класса, но ему также придётся испытать все противоречия, колебания, нарушения равновесия и кризисы мирового империалистического рынка»¹.

Этот основополагающий тезис лежал в основе анализа империалистического развития российской власти на протяжении последующих тридцати лет, вплоть до краха 1989–1991 гг. Именно нефтегазовая промышленность, как мы отмечали во всё том же введении, с одной стороны, ускорила интернационализацию России, «особенно в отношениях с немецким капиталом и крупными группами в сфере производства и энергетики», а с другой стороны, энергетическая рента финансировала «гипертрофию военно-промышленного комплекса, задерживая его реструктуризацию и затягивая протекционистские меры».

Резкий рост доходов от продажи нефти после шока 1973 года и пуска сибирских газопроводов в 1970-е годы стали причиной "перенапряжения" СССР в мировом противостоянии; обвал цен в начале 1980-х годов выявил "глиняные ноги" этой комбинации групп и фракций, где энергетическая рента маскировала низкую производительность промышленной системы с перекосом в направлении тяжёлой промышленности. Однако именно эта связь между российским экспортом энергоносителей и немецким капиталом стала основой Ostpolitik Германии – отношений с Москвой, начатых Вилли Брандтом и продол-

женных Гельмутом Шмидтом и всеми последующими канцлерами.

Закон интернационализации СССР сопровождал его империалистическое взросление, санкционированное второй мировой войной. Ища у Ленина теоретический инструмент для понимания «диалектики исторических эпох», в которой вызревали атлантический упадок и азиатский подъём, Черветто в мае 1988 года остановился на другом эпохальном отрезке – начале капиталистического развития в царской России и первой попытке буржуазной революции в 1905 году. Ленин отмечал диалектику "русских" условий и особенностей, наследие феодализма, которое должно было быть преодолено новым способом производства. «Эпоха буржуазной революции, – писал он в статье от 26 ноября 1905 года, – отличается и в России, как и в других странах, сравнительной неразвитостью классовых противоречий капиталистического общества»: «Правда, в России капитализм развит теперь значительно выше, чем в Германии 1848 года, не говоря уже о Франции 1789 года, но не подлежит сомнению, что чисто капиталистические противоречия ещё в очень и очень сильной степени заслоняются у нас противоречиями "культуры" и азиатчины, европеизма и татарщины, капитализма и крепостничества, т. е. на первый план выдвигаются такие требования, выполнение которых разовьёт капитализм, очистит его от шлаков феодализма, улучшит условия жизни и борьбы и для пролетариата, и для буржуазии»².

Заметим, что наступление буржуазной революции было для Ленина утверждением «европеизма»; современность капиталистического развития в условиях, определённых на Западе, должна была преодолеть отсталость "русской" специфики и историческое наследие «азиатчины». Заметим, однако, что идеологические материалы этого исторического противостояния, не будучи сметёнными, продолжали кочевать на протяжении всего XX века и далее, трансформируясь в своём объективном содержании, но по-разному усваивались и использовались фракциями, движимыми империалистическим развитием. Велкорусский миф был функционален для сталинской автаркии и планов форсированной индустриализации. В период обострения кризиса 1989–1991 годов европеизм, евразийство как специфически русская идентичность, азиатчина вновь стали оружием поли-

тической и идеологической борьбы. Национализм в Киеве, а тем более во Львове, видел себя интерпретатором европейской связи и обличал авторитарное наследие татарщины Москвы; идеологические формулы, наклеивающие на несовершенный плюрализм российской "суверенной демократии" ярлык "автократии", имеют здесь свои корни.

Неудивительно, что в условиях кризиса, вызванного украинской войной, вновь всплывают фрагменты этих теорий и идеологий, поскольку они являются частью традиции и морального фактора российской истории. Однако это отражает важнейшее изменение, подтверждающее смену эпох: ка-

питалистическое развитие в Азии дошло до того, что Китай стал империалистической державой континентального масштаба, способной претендовать на пересмотр мирового порядка. Азартная игра Владимира Путина зародилась именно здесь, и именно здесь будет причина его стратегического поражения.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, июль – август 2023 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм. В 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 1. С. 546–547 (перевод исправлен).
2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 12. С. 134.

Содержание

СМЕНА ЭПОХИ МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЗАПАДОМ	стр. 1
Россия под угрозой, Европа на буксире у США	стр. 2
Первые два десятилетия	
Циклы развития партии	стр. 3
Дефляция в Китае	стр. 4
Европейские хроники	
Три критерия Вебера для европейских правых	стр. 5
Российские хроники	
Империализм в "бархатных перчатках"	стр. 6
Крупные группы российского империализма	
ЛУКОЙЛ: рабочие, лобби, география и сектора присутствия	стр. 7
Переворот и мигранты в кризисе Нигера	стр. 8
Страницы истории рабочего движения	
Красная полевая почта	стр. 9
Борьба с коронавирусом	
Китай навёрстывает отставание	стр. 10
Хроники Шёлкового пути	
Пекин, Шанхай и Гуанчжоу в новом китайском открытии	стр. 11
Промышленное перевооружение Токио в войне чипов	стр. 12
Мировое сражение в энергетике	
Энергетический переход: победители и проигравшие	стр. 13
Крупные группы США в 2022 году	
В глобальном противостоянии за капиталы Америка стремится к промышленному возрождению	стр. 14-15
Китай близко	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Договора и торговые войны

Лондон готовится к высадке в Тихом океане	стр. I
Терра инкогнита для ВТО	стр. II
Индо-Тихоокеанская экономическая структура: первые шаги Байдена	стр. III
Испытание МЕРКОСУР демонстрирует европейское отставание	стр. IV

Россия под угрозой, Европа на буксире у США

(начало на 1-й стр.)

Капиталистическое развитие в Азии с начала XX века стало важнейшим узлом соотношения сил в диалектике Запада и Востока, в которой азиатские рынки изначально были объектом колониального раздела и вывоза капитала старыми державами. Это было продвижение на Восток в направлении Сибири и Центральной Азии, в котором Россия также выступала в качестве одного из протагонистов и которое привело царскую империю к конфронтации с другими западными державами в Маньчжурии и в Большой игре, которая могла угрожать Британской империи в Индии.

Однако именно из этого развития, ускоренного западным капиталом, в начале века возникла разрушительная сила Японии: именно в 1905 году русско-японская война стала водоразделом. Впервые «небелое» государство нанесло сокрушительное поражение державе старого западного порядка; внешняя коллизия войны ускорила кризис царизма, вызвавший революцию 1905 года, и это была азиатская коллизия.

Вторжение Японии знаменует собой весь XX век в Азии. Попытка революционного переустройства страны в ходе пятнадцатилетней войны 1930–1945 годов столкнулась с направлениями движения американского империализма и была сведена на нет в Хиросиме; во второй половине века Токио выбрал доктрину тихой сапы Ёсиды, нацеленную на экономическое восхождение, направляемое государственным интервенционизмом, свидетельствующим о региональном влиянии, привязанном к американскому стратегическому протекторату. Это не помешало США в 1980-х годах почувствовать угрозу в связи с утверждением Японии, опасаясь за своё первенство, что привело к принятию президентом и Конгрессом проекционистских планов и ограничений экспорта, которые являются прецедентом нынешней политики *технологического отрицания* в отношении Китая.

Таким образом, прецедент вмешательства в глобальный баланс крупной азиатской державы, а именно Японии, существует, и это знаменует собой империалистическое противостояние на протяжении десятилетий, сочетая войну и борьбу за капитал. Беспрецедентным в истории и знаменующим эпохальные вековые перемены является появление такой державы, как Китай, равной по демографической мощи всем старым метрополиям и способной теперь соперничать с США в качестве ведущей мировой экономической державы. Разумеется, интегрированный в мировой рынок Китай также испытывает все его кризисы и противоречия, но не только: как показало сдувание пузыря на рынке недвижимости, размеры китайской экономики таковы, что каждый кризис в Пекине становится глобальной проблемой сам по себе.

Динамика азиатского развития с её последствиями для борьбы классов и государств является неизбежной нитью в долгой истории революционной стратегии. Маркс и Энгельс в *«резком повороте»* американского развития предвидели, что завершение формирования мирового рынка произойдёт на Тихом океане. Ленин исходил из того, что национальные и

антиколониальные революции относились к тем противоречиям империалистической системы, которыми могла бы воспользоваться мировая партия пролетариата; *время* развития и буржуазно-демократические революции в Азии были связаны с последней попыткой Третьего Интернационала спасти революцию в России от изоляции после поражения революции в Германии.

Сталинистская контрреволюция, разгромив Октябрь, обрекла пролетариат на бойню второй мировой войны и бесчестье Ялты, в послевоенный период попытка вновь связать нить стратегии началась именно с ленинской концепции империалистического развития. В течение семидесяти лет, как демонстрируют «Тезисы» 1957 года, в основе нашего стратегического мышления лежали длительные сроки развития Азии. В течение тридцати лет, с цезурой 1989–1991 годов и новым импульсом к открытости Китая для глобализации, считалось, что смещение центра тяжести мирового развития с Атлантики на Тихий океан будет сопоставимо лишь с XVI веком, когда произошёл сдвиг от Средиземноморья к Атлантике: это и есть *смена эпох* в вековом процессе капиталистического развития. Последние двадцать лет, с тех пор как Америка Джорджа Буша – младшего вступила в «войну по выбору» в Персидском заливе, пытаюсь предотвратить там влияние Китая, мы думаем о том, что в глобальных отношениях наступает *новая стратегическая фаза*, постепенно замыкающая долгий цикл, предсказанный в 1957 году. Новые зоны мировых рынков меньше, чем ранее предоставляют отсрочку для устоявшихся держав, а Китай, превратившись в империалистическое государство, стал претендовать на передел. В последние несколько лет, на фоне китайских планов перевооружения, предусматривающих создание к 2035 году вооружённых сил *«мирового класса»*, мы считаем, что *«кризис порядка»* идёт к пятнадцатилетию *«колоссальной, беспрецедентной напряжённости»*.

Загадка российской авантюры в украинской войне коренится именно здесь, в этом повороте истории, где, как повторяют китайцы, *«изменения происходят раз в столетие»*. Владимир Путин посчитал, что *кризис порядка*, спровоцированный Китаем, даёт России возможность перейти в контрнаступление по отношению к катастрофическому распаду СССР в 1991 году, но был ли в его расчётах столь глубокий и долгосрочный разрыв связей с Европой?

Действительно, *европеизм* и *азиатчина* уже не имеют прежнего значения, теперь, когда Азия является центром развития, а не наследием отсталости; при этом следует считаться с многовековым грузом европейской истории России и включать всё это в систему государств: превращение демографической мощи Китая в подавляющую экономическую и военно-политическую силу всегда было стратегическим кошмаром для Москвы, с её чрезмерной экспансией в Центральной Азии и слабозаселённой Сибири. Даже в самой путинской стратегии и газовой дипломатии долгое время привязка к Европе уравнивала новое направление движения на Восток.

Дискуссии российских аналитиков, пусть и подмоченные пропагандой, подчёркивают окончательный поворот в азиатском направлении и связи с так называемым глобальным Югом, но большой недоговорённостью остаётся страх перед подчинёнными отношениями с Пекином. Некоторые крайние выпады, например, предложение Сергея Караганова о тактическом ядерном ударе, который, воскресив атомный *«страх»*, восстановит сдерживание, интерпретируются в самих российских дебатах как признак *«отчаяния»* реалистического западного течения. Прерванный мятеж Евгения Пригожина и ЧВК «Вагнер» сам по себе остаётся ограниченным эпизодом, но он выявил разломы между большими группами, в армии и аппарате безопасности, которые могут расширяться, когда война выявит истинную природу российского стратегического поражения. Вильнюсский саммит Атлантического альянса с одобрением Турцией членства Швеции в НАТО завершил окружение России в Балтийском море; Украина, перевооружённая Западом, – независимо от сроков и формы вступления в НАТО – приведёт к тому же результату в Чёрном море. Окаменев на украинском фронте, Москва останется подверженной новой *коллизии* со стороны Азии, пусть и в обволакивающей форме господства китайского капитала. Кое-кто задаётся вопросом: является ли Россия, настолько загнанная в угол, результатом продуманного расчёта американской администрации?

При совершенно ином соотношении сил, поскольку ЕС вместе с США и Китаем является одним из трёх ключевых полюсов мировой экономики, азиатская *коллизия* также ставит под вопрос европейский империализм. Определённый резонанс вызвал доклад Европейского совета по международным отношениям (ECFR), в заголовке которого с пропагандистской гиперболой говорится о *«вассализации»* Европы по отношению к США в результате войны на Украине. Яна Пульерин, ранее работавшая в немецком агентстве DGAP, и Джереми Шапиро, в прошлом советник администрации Обамы, выдвигают экономический аргумент об *«относительном упадке»* Европы по отношению к США с помощью статистических манипуляций, которые, как ни странно, не были обнаружены в многочисленных комментариях к тезисам ECFR. По мнению авторов, объём производства ЕС в 2008 году превышал объём производства США – 16,2 трлн долл. против 14,7 трлн; в 2022 году США при объёме производства в 25 трлн долл. обходят ЕС-27 на 50 %. Однако сравнение в текущих долларах искажено обменным курсом: в 2008 году из-за кризиса на Уолл-Стрит курс евро по отношению к доллару был исключительно высоким. В долларовом исчислении ВВП ЕС-27 в период с 2008 по 2022 год практически стагнирует, увеличившись лишь на 2,1 %. В евро объём производства увеличивается на 42 %, с 11,085 до 15,807 трлн евро. По оценкам Всемирного банка, пересчитанным в долларах по паритету покупательной способности, США и ЕС за пятнадцатилетний период остаются практически на одном уровне: в США рост с 14,77 до 25,46 трлн долл. и в ЕС с 14,29 до 24,3 трлн. Это не

отменяет того факта, что в обменных коэффициентах ослабление евро отражает более серьёзные трудности ЕС; США легче выходят из кризисов благодаря своим федеральным расходным возможностям, а также централизации фискальной и внешней политики.

Более ёмкими являются политические тезисы доклада ECFR, где утверждается *«американизация Европы»* как следствие украинского конфликта. По мнению двух авторов, предложения о стратегической автономии ЕС – начиная с пивной речи Ангелы Меркель в ходе предвыборной кампании 2017 года о конце эпохи, когда Европа могла *«полностью полагаться на других»*, и заканчивая предложениями Урсулы фон дер Ляйен о создании *«геополитической»* Еврокомиссии – оказались *«абсолютно пустыми»* в отсутствие консенсуса относительно содержания европейского *«стратегического суверенитета»*. Отношения в Альянсе вернулись к *«традиционному режиму холодной войны»*; задержка с созданием общей европейской оборонной промышленной базы, как показывает немецкий проект противовоздушного щита, приведёт к возникновению зависимостей, которые *«сохранятся на десятилетия»*. В плане промышленной политики IRA никто в Конгрессе США не задавался вопросом о влиянии этих мер на Европу, а администрация Байдена довольно снисходительно практиковала *«координацию задним числом»*.

Предложения ECFR повторяют классический евроатлантический репертуар по созданию европейской опоры Альянса, вплоть до *«европейского ядерного сдерживания»*, которое, начиная с Франции и Великобритании, компенсирует возможную американскую *«ненадёжность»*. Однако более показательным является проект *«геоэкономического НАТО»*, объединяющего США, ЕС и Великобританию в противостоянии *«веку конкуренции Китая и Запада»*. В этой структуре, своего рода евроатлантической *«директории»*, союзники могли бы *«стратегически мыслить»* и определять совместную политику в отношении Китая, которая была бы больше, чем простое согласие с американской линией.

Следует отметить, что *«атлантический момент»*, вызванный украинской войной, придаёт большую центральность евроатлантическим направлениям и аналитическим центрам. ECFR поддерживает формулу европейского *«стратегического суверенитета»*, но контекст – это атлантический фронт противодействия Китаю.

На индо-тихоокеанском фронте трёхсторонний саммит в Кэмп-Дэвиде с участием Джо Байдена, президента Южной Кореи Юн Сук Ёля и премьер-министра Японии Фумио Кисиды имеет тот же стратегический знак. По мнению Рама Эмануэля, посла США в Токио, Кисида ставит себе в заслугу сокращение разрыва между Атлантикой и Индо-Тихоокеанским регионом, признавая их *«единой стратегической сферой»*, сталкивающейся с единым набором угроз. Безопасность неделима, считают в Вашингтоне. И, похоже, они постепенно замыкают систему шестерён, чтобы окружить Пекин.

Первые два десятилетия

Циклы развития партии

Позади напряжённые и очень ответственные годы, как в плане стратегических разработок, так и в плане организационной борьбы. Пандемия столетия стала эпохальным потрясением, подвергшим серьёзному испытанию наши рабочие кружки. В июне 2020 года мы цитировали Арриго Черветто: «Порой мало задумываются над тем фактом, что те же события, которые отупляют и опрокидывают одни политические течения, воспитывают и закаляют другие. Это урок материалистической концепции политики»¹.

Пандемия и война

Давая предварительную оценку, можно сказать, что наша партия вышла окрепшей из тяжёлой борьбы во время пандемии столетия. Об этом сражении мы рассказывали на этих страницах. Как только Covid-19 ослабил свою хватку, началась война на Украине и в Европе. Сегодня, увеличив силы и расширив сферу влияния, мы упорно отстаиваем интернационалистские позиции перед лицом войны и мирового порядка, переживающего кризис под давлением китайского империализма и новых развивающихся держав. Мы также готовы к взаимодействию на этой почве с историческими интернационалистскими течениями рабочего движения, всегда подчёркивая, что наша борьба – это прежде всего борьба против врага в собственном доме, европейского империализма, протагониста нынешнего мирового противостояния.

В кратчайшее время мы были вынуждены учесть новые объективные условия, которые, в первую очередь пандемия, навязали себя производительным силам и классовой борьбе. Это отразилось на рабочих кружках и серьёзно изменило их деятельность. Так, например, массовый приток в наши кружки добровольцев, вызванный кризисом Covid-19, стал выражением подлинной классовой солидарности. Это добровольчество сохранилось и после пандемии, закрепилось и продолжает расти, став обязательством, которое вносится в планы развития кружков, существенно меняя их деятельность.

Циклическая динамика

Это изменение сегодня заслуживает более взвешенного осмысления. В книге, посвящённой нашей истории, «Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953–1965» Гуидо Ла Барбера приводит отрывок из письма Арриго Черветто к Лоренцо Пароди от сентября 1961 года: «Ленин разработывал теорию партии не в какой-то книге, не в каком-то тексте, а в течение тридцатилетия политической деятельности. [...] Если проанализировать размышления Ленина, то можно заметить, что его теория партии была словно алмаз в непрерывной обработке, грани которого обтёсывались в огне борьбы, полемики и опыта. [...] теория партии формировалась и непрерывно обогащалась»². Таким образом, партия – это непрерывный процесс, как теоретический, так и практический, питаемый политической борьбой, в которой «непрерывно» обогащается сама концепция партии.

Эта концепция сопровождает все разработки Черветто. В феврале 1976 года он вернулся к ней с особым вниманием по случаю 25-й годовщины Генуэзской конференции Понтедечимо – момен-

та основания нашей первоначальной группы. В начале 1970-х годов, в разгар мирового кризиса реструктуризации и в период глубокого отлива борьбы трудящихся, очень беспорядочного классового отступления. Объективное состояние, которое резко изменилось, отразилось на нашей партии и потенциально могло повлиять на её деятельность. Настолько, что Черветто задал вопрос: «*Имеется ли кризис партии 1970-х годов?*». Вопрос рассматривался в свете кризиса большевистской партии после 1905 года, кризиса 1930-х и кризиса 1950-х годов. Ответ на этот вопрос был отрицательным: развитие партии возможно даже в тех сложных условиях, если будут тщательно проанализированы изменения и извлечены необходимые выводы.

Ответ был отрицательным, но вопрос был задан. В том же 1976 году Черветто повторил: «*Партия всегда имеет историческую динамику, определяемую развитием производительных сил и ходом классовой борьбы*», то есть она имеет циклическую динамику. «*Только подходя к проблеме развития партии с точки зрения циклическости [...], мы имеем общий материалистический подход к проблеме*», а это позволяет преодолеть субъективистское и механистическое видение.

Первое десятилетие

В тексте «К партии-стратегии» рассматривается, что, следовательно, создание в Италии и Европе партии на основе большевистской модели и осмысление связанной с ней теории также необходимо рассматривать как «результат серии сражений на протяжении десятилетий». Тогда можно со всей осторожностью, которой требует периодизация, рассуждать о десятилетиях нашего развития и революционной деятельности, которая постоянно изменялась.

В 1943–1945 годах произошло политическое крещение наших основателей в вооружённой борьбе с фашизмом. Черветто и Пароди, два молодых человека 16 и 17 лет, которые сегодня были бы старшекласниками, в то время являлись рабочими-металлистами, один на фабрике Ilva в Савоне, другой на Ansaldo в Генуе. Из опыта Соппротивления они вышли, явно порвав со сталинизмом, и начали «наощупь» поиск альтернативы, который в итоге должен был привести к либертарному коммунизму, «другому коммунизму», как выразился Пароди. Так родилась связь с Пьером Карло Мазини, который был на несколько лет старше и историческая заслуга которого состояла в том, что он объединил их в этой попытке собрать политические силы, готовые для интернационалистской борьбы с идеологиями ялтинского раздела. Мазини, как и Черветто, порвал с ИКП, а Пароди уже поддерживал связь с подпольной либертарно-коммунистической группой.

Мазини был связан с анархизмом, став директором *Umanità Nova*. В результате в 1951 году в Понтедечимо были основаны АГПД – Анархистские группы пролетарского действия. Деятельность партии в это десятилетие заключалась в непрерывной контактной работе, главным образом с анархистской молодёжью. Эта деятельность очень ярко описана Черветто в «Записных книжках 1954 года» – отчёте о длительном организационном турне по полуострову (*Opere*, vol. «Indici»).

Контактную работу сопровождала деятельность в комитетах профсоюзной защиты, которая происходила на почве отстаивания требований рабочих в рамках CGIL. Это были годы, отмеченные послевоенной реконверсией, серьёзной реструктуризацией и сокращениями. Сам Черветто был уволен с Ilva в декабре 1950 года. Работа среди анархистской молодёжи была недолгой. Она так и не смогла полностью убедить Черветто, который сохранил свои оговорки. Уже в 1949 году он писал Мазини: «*Я не анархист [...] Я должен повторить это?*»³.

Второе десятилетие

Фактически прекратила эту деятельность сама анархистская федерация (FAI), отказавшая членам АГПД в участии в конгрессе 1953 года. Так началось второе десятилетие, с 1955 по 1965 год, которое Черветто назвал «потерянным десятилетием». Это были годы полного экономического подъёма, бума, настало сильное, что на рынке труда возникли первые напряжённости. Годы, когда АГПД стремилась расширить поле деятельности за счёт присутствовавших интернационалистических движений, то есть бордигистов и троцкистов, а также за счёт диссидентства, проявившегося в рядах ИКП. Это были позиции, порождённые борьбой за наследие Сталина и периферийными кризисами, затронувшими российский империализм ещё до водораздела 1956 года с венгерским восстанием.

В миланской организации ИКП сформировалось максималистское течение *Azione Comunista*, лидерами которого стали Джулио Сенига, до этого помощник Пьетро Секкьи в организации ИКП, Бруно Фортикьяри, один из основателей Коммунистической партии Италии (КПИ), и Лучано Раймонди, учитель, партизанивший с Сенигой в долине Оссола. Были установлены тесные контакты с Онорато Даменом из *Battaglia Comunista*, порвавшим с Амадео Бордигой, и отношения с троцкистами Ливии Майтана. В 1956 году, в год венгерского восстания, в миланском кинотеатре «Данте» состоялась инициатива, организованная АГПД, *Battaglia Comunista*, Четвёртым Интернационалом и *Azione Comunista*. Она имела большой успех с точки зрения участия: Черветто вспоминает о ней в своих «Тетрадах». Бордига отозвался о ней в пренебрежительном тоне: эти четыре компонента были «четырёхлистным клевером». Черветто же просто написал, что «митинг поставил проблемы, но не решил их».

Это привело к объединению АГПД, которые тем временем превратились в Либертарно-коммунистическую федерацию, с миланскими максималистами в Движение коммунистической левой (ДКЛ); его газетой стала *Azione Comunista*. Черветто согласился с этим выбором из соображений дисциплины, он предпочёл бы не распускать АГПД и воздействовать на это движение извне. Тем временем нарастали разногласия между Черветто и Мазини, который опасался бордигистского уклона ДКЛ в сторону небольшой закрытой группы, не имеющей связи с реальным движением. Уже в 1957 году Мазини предложил участвовать в выборах, что было отвергнуто. Тогда он стал пропагандировать новую перспективу, которую, по его мнению, могла открыть Социалистическая партия Пьетро Ненни. Объединённая социалистическая пар-

тия (ОСП) якобы могла низвести ИКП до уровня «партии четвёртого сорта», как это произошло в Бельгии и Австрии. ДКЛ следовало бы поддержать создание крупной рабочей партии, а затем создать классово-революционное течение. Разрыв стал неизбежным, Сенига тоже согласился последовать за Пьетро Ненни.

Разрыв с Мазини вызвал недоумение и дезориентацию среди милитантов, и вскоре после этого Лучано Раймонди в миланской группе начал склоняться к маоизму. Черветто и Пароди сомкнули ряды и попытались спасти печатный орган, переведя его редакцию в Геную, но ничего не смогли сделать против юридических претензий на газету. Вскоре *Azione Comunista* закончила свои дни, но раньше, чем произошёл непристойный маоистский крен.

Первый итог

В июне 1965 года на Римской конференции родились Ленинистские группы коммунистической левой, а в декабре вышел первый номер *Lotta Comunista*. Так закончилось десятилетие деятельности, сильно отличающееся от предыдущего даже по форме: от АГПД и *l'Impulso* к Движению коммунистической левой и *Azione Comunista*. Деятельность милитантов, вышедших из АГПД, в то десятилетие была направлена на создание однородного ядра в очень неоднородном движении, каким было ДКЛ, и эта инициатива переплеталась с интенсивной профсоюзной работой. Пароди входил в национальное руководство CGIL, и в 1956 году он был единственным интернационалистом, выступившим в защиту рабочих и молодёжи Будапешта, восставших против российского империализма и его государственного капитализма.

В конце десятилетия Черветто и Пароди оказались в весьма однородной, но очень небольшой группе, примерно вдвое меньшей, чем АГПД в 1952 году. Именно в этом смысл оценки Черветто «потерянного десятилетия», хотя то же самое нельзя сказать о стратегической разработке. В 1957 году появились «Тезисы об империалистическом развитии, длительности контрреволюционной фазы и развитии классовой партии». Эти тезисы были в меньшинстве на конференции ДКЛ в Ливорно, но они задали стратегические координаты нашей партии на последующие десятилетия. Мало того, в 1964 году в *Azione Comunista* частями была опубликована книга «Классовая борьба и революционная партия» – наш базовый текст о партии, в котором проблема революционной организации была решена в научную плоскость.

Начиналось новое десятилетие, наполненное великими преобразованиями, в которое наша партия вступала с небольшими силами, но с трудно завоёванной однородностью и новым научным инструментарием. Революционная воля и страсть сделают остальное.

Lotta comunista, июль – август 2023 г.

1 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2010. С. 256.

2 – Ла Барбера Г. *Lotta Comunista*: в направлении партии-стратегии. 1953–1965. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2016. С. 259–260.

3 – Ла Барбера Г. *Lotta Comunista*: группа, стоявшая у истоков. 1943–1952. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2013. С. 52.

Дефляция в Китае

Недавние документы МВФ и ЕЦБ – июльский *World Economic Outlook* и августовский *The Economic Bulletin* соответственно – представляют нам актуальную картину мировой экономики. И оба свидетельствуют: несмотря на то, что замедление носит всеобщий характер, но Европа на втором году войны на Украине оказывается в наихудшем положении.

Темпы роста “развитых” стран снизятся на 1/3, упав с 2,7 % в 2022 г. до 1,8 % в 2023-ем: при этом США потеряют только 1/7 (с 2,1 до 1,8 %), а Еврозона – 3/4 (с 3,5 до 0,9 %). Хороший рост в Америке обусловлен стабильностью внутреннего спроса, поддерживаемой огромными фискальными вливаниями; перспективы же европейского роста ухудшаются, как пишет ЕЦБ, «главным образом из-за ослабления внутреннего спроса, высокой инфляции и более жестких условий финансирования, ограничивающих расходы». Промышленный двигатель Европы – Германия в 2023 г. останется в рецессии (-0,3 %).

Инфляция в Америке упала на 2/3 по сравнению с достигнутым в июне 2022 г. пиком (с 9,2 до 3,2 % в июле); в еврозоне – лишь на 1/2 по сравнению с октябрьским пиком (с 10,6 до 5,3 %). Оказавшись зажатым между высокой инфляцией и низкими темпами роста, ЕЦБ, вероятно, в сентябре возьмёт паузу. Похоже, набирает вес линия, предложенная управляющим Банка Франции Франсуа Вильруа де Галью, который делает ставку скорее на сохранение текущих ставок в течение длительного времени, чем на дальнейшее повышение стоимости денег. Широко распространено мнение, что труднее всего будет пройти “последнюю милю”. ЕЦБ планирует вернуться к инфляционному таргету в 2 % к 2025 г.

Китай плывёт против течения

Летний ребус подкинул Китай. В то время как в “развитых” и большинстве “развивающихся” стран по-прежнему ведётся борьба с инфляцией, Национальное бюро статистики КНР 9 августа сообщает, что *потребительские цены* в июле упали на 0,3 %, а *цены производителей* – на 4,4 % в годовом исчислении. В основных экономических газетах эпизод “китайской дефляции” подпитывает пророчества о напастях, которыми сопровождается атлантистское наступление на Пекин. В последующие дни быстрая череда неожиданных потрясений снова вызвала тревогу: ЦБ Китая, чтобы поддержать спрос, снизил ключевую ставку на 15 базисных пунктов; это вызвало обесценивание юаня; Народный банк Китая влил в банковскую систему огромную дозу ликвидности для защиты валюты; 24 часа спустя переживающая затруднения китайская девелоперская группа Evergrande подала в нью-йоркский суд заявление о банкротстве, касающееся долларовой части её долга.

Специализирующийся на экономике Азии обозреватель *Financial Times* Лео Льюис излагает гипотезу о передаче эстафетной палочки от Японии, только недавно освободившейся от оков изурительной дефляции, длящейся более 20 лет, к Китаю, который, напротив, заходит в этот туннель. Идея кажется преждевременной, но она связана с трудностями, с которыми столкнулся Пекин, проходя через катастрофиче-

ский опыт Covid-19, во время которого цены часто приближались к дефляционному порогу, тогда как на Западе свирепствовала инфляция.

Благодаря жёсткому контролю над ценами и выгодным энергетическим сделкам с Россией Китай – в отличие от Европы и Японии – не пострадал от резкого скачка цен на энергоносители. Но, с другой стороны, он потратил гораздо меньше средств на субсидии, налоговые льготы и ассигнования, чем Европа или США. По оценкам Citigroup, в период с 2020 по 2022 г. Пекин выпустил облигации на сумму 2,4 трлн юаней (около 340 млрд долл.) и снизил ключевую ставку на 30 базисных пунктов, а дефицит бюджета составил 3,6 % ВВП: эту линию можно назвать гибкой, но всё же оборонительной.

Ипотечный кризис до сих пор не разрешён

Аналитики Citigroup связывают августовский эпизод с падением цен на свинину (на 26 % в годовом исчислении), которая является основным продуктом китайского меню. Другие видят причину в падении цен на автомобили, вызванном войной скидок между автопроизводителями. Но проблема более сложна. Сворачивание мер по борьбе с ковидом, оказавшееся запоздалым, не вызвало ожидаемого значительного восстановления потребления. МВФ в своих апрельских, а затем июльских, оценках пересмотрел октябрьский прогноз восстановления Китая в сторону повышения (с 4,4 до 5,2 %), а ряд инвестбанков, наоборот, скорректировал в сторону понижения. Официальные данные за июль свидетельствуют о резком спаде внешней торговли: экспорт сократился на 14,5 % по сравнению с прошлым годом, а импорт – на 12,4 %. Экспорт в США уменьшился на 23 %, а в ЕС – на 20,6 %. Мировая торговля в целом испытывает замедление, но гонконгский банк Hang Seng отмечает роль, которую сыграли «попытки диверсифицировать предложение в сторону от Китая», вызванные геополитическим противостоянием.

С 1990 г. Национальное бюро статистики КНР ежемесячно отслеживает степень доверия китайских потребителей: этот показатель оставался высоким в первые два года пандемии, но с начала 2022 г. снизился более чем на 30 пунктов. Главный экономист Natixis по Азиатско-Тихоокеанскому региону Алисия Гарсия-Эрреро считает, что «главным моментом» этого недоверия является «действительно слабый» внутренний спрос, «и это объясняет очень негативные настроения». Перепроизводство недвижимости, которое уже несколько лет сдерживает китайскую экономику в условиях неопределённости, по-прежнему оказывает давление на цены в сторону понижения. *The New York Times* сообщает об опросе Исследовательского института Веике (г. Тяньцзинь), проведённом в 100 городах Китая: по сравнению с августом 2021 г. цены на жильё упали на 14 %. Три пятых активов домохозяйств, следовательно, большая часть их доходов и долговой нагрузки связаны с недвижимостью. *The Economist* сообщает, что за год цены на жильё в 30 крупных городах Китая снизились на 28 %. Сектор недвижимости в течение многих лет был источником дохода для местных органов власти благодаря предоставлению земли застройщикам,

и неразрешённый ипотечный кризис также вызывает кризис ликвидности для местных учреждений.

Либерал и мандарин

Президент Института Петерсона Адам Позен в статье для журнала *Foreign Affairs* в качестве причины замедления роста китайской экономики во II квартале года называет выбор «настороженных иностранных инвесторов и испытывающих нехватку ликвидности местных органов власти [...], которые не могут восстановить первоначальный импульс». Позен считает пандемию «точкой невозврата» для китайской экономики, потому что авторитарный «радикальный ответ» на вызов ковида со стороны председателя Си Цзиньпина препятствовал устойчивому потреблению и инвестициям и усилил склонность к сбережениям; но начался этот процесс, по словам Позена, ещё в 2015 г. как реакция китайцев на распространение государственного контроля.

Сценарий, описанный Позеном как случай «длительного экономического ковида», искажён идеологией. «Неприятные риски» и «предпочтение ликвидности» – явления, хорошо знакомые либеральной экономике во времена кризисов; это болезни капитала, независимые от государственных оболочек, которые его защищают. Если Ларри Саммерс для американской империалистической демократии вытащил из пыли концепцию «вековой стагнации», то Позен забывает, что в 2015 г. на Китай обрушился двойной финансовый тайфун (ипотечный и биржевой кризисы), который поверг в панику фондовые рынки всего мира, но не остановил развитие империализма Поднебесной. Народный банк Китая отрицает, что падение цен может привести к дефляции. Заместитель председателя Лю Гоцян объяснил «турбулентность» цен тем, что странам, пострадавшим от пандемии, был необходим целый год, а Китай вышел из неё всего полгода назад.

Нарастает давление, требующее государственного вмешательства для поддержки экономики. Экс-министр финансов Лоу Цзвэй призвал Пекин в этом году увеличить дефицит бюджета на 1,5–2 трлн юаней и снять все ограничения, введённые для регулирования сектора недвижимости. Одним из самых ярких сторонников государственного вмешательства для поддержки экономического роста является Юй Юндин, бывший член Комитета по денежно-кредитной политике Народного банка Китая и директор Института мировой экономики и политики при Китайской академии общественных наук. Ещё до пандемии и во время санитарной чрезвычайной ситуации в серии статей для *Project Syndicate* он настаивал на том, что нужно убедить правительство «ограничить замедление с помощью экспансионистской монетарной и фискальной политики».

Императив внутренней экспансии

Экономист писал это в мае 2023 г., когда тема дефляции уже обсуждалась. В то время потребительские цены выросли всего на 1,3 %, но цены производителей упали на 2,5 % и снижались шесть месяцев подряд. Юй считает чрезмерным утверждение о том, что Китай уже вступил в дефляционный период, но его беспокоит отсутствие

постпандемического бума внутреннего восстановления. Он пишет, что отчасти в этом виноваты геополитические факторы, но «одной из наиболее важных причин более слабых, чем ожидалось, экономических показателей Китая является до одержимости осторожный подход правительства к макроэкономической и особенно фискальной политике». Цель роста ВВП «около 5 %», которую поставило перед собой руководство, «просто слишком низкая»; вполне достижимая цель – это 6 %. Инструментом, который позволит обеспечить дополнительный рост, Юй считает инвестиции в инфраструктуру. Но, добавляет он, центральное правительство, которое традиционно неохотно управляло бюджетным дефицитом и делегировало финансирование рынков капитала местным органам власти, нагружая их долгами, на этот раз должно увеличить свою долю и продать больше гособлигаций. Китайское замедление продолжается уже 12 лет и должно быть остановлено.

В статье от сентября 2020 г. Юй Юндин объясняет, почему он настойчиво придерживается более экспансивной линии, через «расшифровку» китайской стратегии «двойной циркуляции», провозглашённой председателем в мае того же года и презентованной как «новая модель развития, в которой национальная и международная циркуляция дополняют друг друга».

Экспортная стратегия, с помощью которой Китай завоевал рынки «в рамках модели большого международного контура», могла стать «самоотрицанием» из-за влияния, которое она оказала на глобальный рынок: «действительно, с начала века цена на любой товар, купленный в Китае, имеет тенденцию к увеличению, в то время как всё, что он продаёт, падает в цене». Другими словами, Китай стал инфляционистом как покупатель-импортёр и антиинфляционистом как продавец-экспортёр. Он также спровоцировал «жёсткие протекционистские меры» в связи с активным сальдо торгового баланса и накопленными им огромными валютными резервами, «намного превышающими то, что было необходимо для обеспечения ликвидности». И, наконец, Китай создал массу чистых иностранных активов, превышающую 2 трлн долл., правда, в течение более 10 лет он управляет доходами с отрицательным балансом.

Китайское правительство усвоило эти ограничения в 2006 г., переключив внимание на внутренний потребительский спрос, и продолжило работу в этом направлении, в период с 2008 по 2018 г. доведя долю чистого экспорта в ВВП с 10 до 1 %. По мнению Юя, отсюда следует, что «двойная циркуляция», применявшаяся ещё до того, как она была возведена в ранг официальной модели, практически ничего не изменила в китайской экономике. Это означает, что «Китай никогда не отвернётся от остального мира», но линия США на декаплинг «не оставила много выбора, кроме как удвоить усилия по увязыванию экономического роста с внутренним спросом и внутренними инновациями, чтобы обеспечить прочную позицию в глобальных цепочках создания стоимости». Если фактор экономического роста – добровольного или вынужденного – является внутренним, то его следует использовать по максимуму.

Европейские хроники

Три критерия Вебера для европейских правых

С момента прихода к власти в Италии в прошлом году коалиции Джорджи Мелони правые и даже крайне правые партии добились электоральных успехов в разных европейских странах. Эта динамика подпитывает тезис о формировании нового, более правого консенсуса.

В Финляндии по итогам апрельских выборов было сформировано правительство, поддержанное крайне правыми, как это уже произошло в Швеции в 2022 году. В Нидерландах основным победителем на провинциальных выборах в марте стало Фермерско-гражданское движение (BoerBurgerBeweging, BBB). Основанное в 2019 году, BBB возглавило фермеров, противостоящих более суровым стандартам защиты окружающей среды, и сумело привлечь и другие слои протестного электората. В июле иммиграционный вопрос привёл к падению правительства, и страна готовится к выборам, намеченным на ноябрь. Очевидно, вдохновлённое голландским опытом, французское Национальное объединение (НО) готовится выступить против мер защиты окружающей среды. С точки зрения *Le Monde* (13 августа), оно намерено «снова открыть разлом» между городским миром и миром пригородов и сёл», чтобы использовать его в электоральных целях, как прежде оно «с успехом [использовало] иммиграцию».

На выборах в Греции в мае и июне одержала верх правоцентристская партия «Новая демократия» премьер-министра Кириакоса Мицотакиса, которая смогла сдержать более правые партии. Закрыв границы с Турцией для иммигрантов не спровоцировало скандал и не помешало Мицотакису переизбраться.

«Санитарный кордон» во Франции и Германии

В отличие от Австрии, Испании, Италии, Нидерландов, Швеции и Финляндии, где сотрудничеству между правыми и крайне правыми дали зелёный свет, во Франции, Германии и Бельгии пока сохраняется «санитарный кордон», сдерживающий крайне правые организации. Однако он не помешал этим партиям повлиять на политический цикл. В статье «Политическая нестабильность и изменения на правом фланге» (*Lotta Comunista*, июль 2023; в ноябре будет опубликована на русском языке) мы писали об ослаблении и сорвистской радикализации партии «Республиканцы» под давлением НО Марин Ле Пен, которое ныне получило первое место в опросах общественного мнения.

Хотя в Германии рост популярности крайне правых ещё не сместил ХДС/ХСС с первого места в опросах, однако восхождение Альтернативы для Германии (АдГ) на второе место спровоцировало летние оживлённые дебаты внутри христианско-демократической партии. Столкнулись два течения: центристское, отстаивающее преемственность с линией Ангелы Меркель, и консервативное, возглавляемое нынешним председателем партии Фридрихом Мерцем. В то время как идея Мерца найти некоторую форму сотрудничества с АдГ на местном уровне встретила сильное отторжение внутри партии, более жёсткие позиции по иммиграции вызывают не так много возражений.

ХДС/ХСС и АдГ

По мнению Николаса Буссе, редактора консервативной газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (FAZ), «маятник качнулся

в обратную сторону», мы переживаем «крупное противотечение относительно *Zeitgeist*¹ либеральных левых». Буссе перечисляет три вопроса, которые вызывают это противотечение: оппозиция иммиграции, изменению социальных норм – например, связанных с традиционными гендерными ролями в семье – и мерам по защите окружающей среды – например, запрету котельных на газе или дизеле, которого добываются «Зелёные». С точки зрения редактора, эту программу «не стоит отдавать» в руки АдГ, потому что «в грядущие годы будет важно знать не только то, будут ли эти тенденции переварены, но и то, кем они будут переварены». Замечая, что «в Дании право на убежище было ужесточено социал-демократами», а «в Греции граница была закрыта консерваторами», Буссе считает, что «тезис, будто люди предпочитают выбирать «оригинал» [а не копию], неверен (FAZ, 6 июля).

Крупнейшие газеты, такие как FAZ или таблоид *Bild*, призывают христианских демократов ужесточить их позиции по иммиграции, но при этом сохранять «санитарный кордон», через который не проникнет / не пробьётся АдГ. В прошлом эти газеты упрекали линию Меркель в том, что она проложила дорогу восхождению АдГ, сегодня они предлагают стратегию включения крайне правых в ХДС/ХСС, которая заняла бы место справа от центра.

Линия Вебера

На европейской сцене Манфред Вебер, председатель Европейской народной партии (ЕНП), с начала года маневрирует в стремлении перехватить недовольство, спровоцированное двумя темами из цитированных Буссе. Во-первых, растущее противодействие *электрической и цифровой реструктуризации*, которая сегодня начинает затрагивать автомобильный сектор и частное жильё. Во-вторых, антииммигрантские настроения – отражение собственнических страхов мелкобуржуазных и промежуточных слоёв. Член баварского ХСС Вебер даже коснулся возможности сближения с крайне правыми, которые объединены в две европартии – «Идентичность и демократия» (ИД) и «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕКР). В интервью FAZ от 26 июня Вебер двусмысленно выступил в поддержку европейского *Green Deal*²: он должен стать также «сделкой с фермерами». Что касается возможного сотрудничества с крайне правыми партиями, Вебер установил 3 критерия, которым должны соответствовать потенциальные партнёры: они должны быть «за Европу, Украину и правовое государство». На основе этих критериев он отверг сотрудничество с АдГ, НО и польской партией «Право и справедливость» (ПиС). Для остальных, получается, дверь остаётся открытой.

Первым испытанием потенциально-го союза с крайне правыми стала попытка Вебера в июле заблокировать закон о «восстановлении природы» в Европейском парламенте. Его инициатива, в которой он противостоял председателю Комиссии Урсуле фон дер Ляйен, также представляющей ЕНП, провалилась из-за отсутствия поддержки со стороны части партии. Следующим испытанием стали выборы в Испании, за которыми в Европе пристально следили как

РОБЕРТ ХАБЕК – КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, СТАВШИЙ МИНИСТРОМ ОТ «ЗЕЛЁНЫХ»

Хотя Роберт Хабек принадлежит к *реалос* – прагматическому течению партии «Зелёных». Война на Украине предоставила ему свободу манёвра, о которой он не мог и мечтать, когда занимал пост вице-канцлера и федерального министра экономики и климата в декабре 2021 года. Чтобы заместить русский газ, он наспех строил терминалы для импорта сжиженного природного газа (СПГ). Это позволило насытить страну американским СПГ, который добывают с помощью гидравлического разрыва пласта, или фрекинга, а также сжиженным газом из нефтяных монархий Персидского залива, куда Хабек отправился лично на подписание контрактов с Катаром и ОАЭ. Энергетический кризис потребовал также заново открыть угольные электростанции и расширить добычу бурого угля, из-за чего была разрушена деревня Лютцераг. В то же время Хабек подталкивает энергетическую реструктуризацию в Германии. Хотя он демонстрирует, что принимает во внимание риски предприятий, ему не удалось избежать критики: его обвиняют в углублении энергетического кризиса и провоцировании инфляции, деиндустриализации и стагнации экономики и из-за поддержки войны на Украине и закрытия АЭС. Поддержка запрета двигателей внутреннего сгорания после 2035 года и предложение запретить с 2024-го строительство новых котельных на газе и дизеле спровоцировали особенно яростную критику со стороны части электората, которая теперь видит в Хабек живое воплощение всех бед *электрической и цифровой реструктуризации*.

Так или иначе, этот человек, биография которого атипична, – отнюдь не экологический фундаменталист. В молодости он жил в Киле, где его родители управляли аптекой; страсть к поэзии, театру и литературе была для него намного важнее страсти к политике. Хабек изучал немецкий язык, философию, закончил филологическую аспирантуру и работал переводчиком и писателем детских книг и только после этого сделал свои первые шаги в политике. В 2004 году он был избран председателем «Зелёных» в своей земле Шлезвиг-Гольштейн, а в 2012-м стал министром энергетики, сельского хозяйства и окружающей среды региона. Наконец в 2018 году его назначили сопредседателем партии вместе с Анналеной Бербок.

Лучше понять политические взгляды Хабек поможет театральная пьеса, которую он с другими авторами написал на тему революции 1918 года в Киле. В этом произведении социал-демократ Густав Носке (1868–1946), которого Берлин отправил в Киль, чтобы предотвратить революцию по российскому сценарию, представлен как мудрец, который сумел утихомирить хаос импульсивной революционной молодёжи. Пьеса Хабек использует буржуазное представление о Носке как о человеке, который помог привести Германию к демократии. В действительности же социал-патриот Носке сыграл ключевую реакционную роль в угоду буржуазии. После миссии в Киле Носке отозвали в Берлин, где он подавлял революцию. Ему поручили расправиться с революционерами, когда он объявил: «Я считаю, что кому-то надо выполнить работу палача. Лично я не боюсь этой ответственности!». Носке задействовал верные ему регулярные войска и *фрайкоры*, чтобы утопить в крови революцию в Берлине и других городах Германии. Сегодня палач Розы Люксембург получает индულгенцию экологического прогрессизма.

за индикатором политического цикла. С этой инициативой он не преуспел: Вебер выступил против председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен, тоже члена ЕНП, и партия его не поддержала. Не случилась победа правых и крайне правых, которая укрепила бы стратегию Вебера. Однако это не значит, что его стратегия провалилась.

Соглашение ЕС и Туниса

Хотя местные факторы и оказывают влияние на выборы, во всех европейских странах на голосованиях сказываются одни и те же глубинные тенденции, детерминированные *глобальными коллизиями*, которые производят *политический цикл атлантического упадка*. Иначе мы называем этот феномен *политическим циклом кризиса социал-демократизации*, потому что, когда борьба на мировых рынках усиливается, вес паразитизма и государственных расходов становится фактором конкуренции. В этой ситуации, как мы отмечали, «акцент политического цикла смещается на удержание, на гарантирование того, что было приобретено, следовательно, на успокоение собственников и охранителей, а не на прогрессизм восходящей фазы» (Французский кризис в новом политическом цикле // Пролетарский интернационализм. 2019. Январь. № 53).

Особенно это заметно на примере ужесточения позиций по иммиграции, которая тем не менее необходима евро-

пейскому империализму, находящемуся во власти демографической зимы. Похоже, буржуазия хочет опробовать такую формулу: бороться против «*нелегальной иммиграции*» и поощрять «*легальную*». Под этим знаком в июле произошло подписание договора между ЕС и Тунисом: таким образом, Брюссель будет платить Тунису за удержание мигрантов. Это соглашение, двигателем которого выступила итальянская премьер-министр Джорджа Мелони, в точности удовлетворяет трём критериям Вебера. Несмотря на кадры с мигрантами, умирающими от жажды в пустыне после того, как тунисские власти изгнали их из города Сфакс, заключённый договор рассматривается в качестве образца для соглашений с другими странами региона.

Электоральная кампания перед европейскими выборами, которые пройдут весной 2024 года, а также предвыборные гонки в отдельных странах продемонстрируют, сможет ли континентальная буржуазия сформулировать политическое предложение, которое позволит подвести массовую базу под свою генеральную линию, или же новые электоральные восстания приведут к власти силы, которые не соответствуют этой линии.

Lotta comunista, июль – август 2023 г.

- 1 – Духом времени (нем.).
- 2 – Зелёного курса (англ.).

Российские хроники

Империализм в “бархатных перчатках”

«Сегодня в мире происходят тектонические сдвиги. [...] На наших глазах рождается более справедливый многополярный миропорядок», – заявил глава российского МИД Сергей Лавров (МИД, 21.08.2023) накануне саммита БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай ЮАР) в Йоханнесбурге, на который были приглашены представители 60 стран и международных организаций.

Если первая часть этого утверждения очевидна и не вызывает сомнений, то вторая представляет собой типичное идеологическое клише, которым российский империализм оправдывает свою внешнеполитическую линию.

Самогипноз “третьей силы”

Ещё до вторжения на Украину российские СМИ изобиловали пространными рассуждениями о возможности перестройки глобальной экономической архитектуры в направлении выравнивания дисбалансов между “Севером” и “Югом”, которые неизменно сопровождалась рекомендациями отечественному капиталу усилить проникновение на развивающиеся рынки.

Так, 5 октября 2021 года на сайте международного дискуссионного клуба “Валдай” была опубликована статья Ярослава Лисоволка, эксперта Национального комитета по исследованию БРИКС, в которой он обращал внимание на то, что «для России Глобальный Юг – это быстрорастущий рынок, лишённый ограничений, с которыми она сталкивается в западных экономиках».

Сергей Шахрай, профессор Центра сравнительного правоведения Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (КНР), а в 1991–1992 годах советник президента Б. Ельцина по правовой политике, дополнял эти рассуждения мыслью о неустойчивости нынешнего мирового порядка, предлагая обеспечить его дополнительной “точкой опоры”, «которая может вырасти в результате модернизации БРИКС». При этом он отмечал, что «нахождение в одном объединении стран, тяготеющих к разным геостратегическим полюсам и проектам, объективно осложняет работу БРИКС. [...] углубление фактической разнородности интересов стран – участниц БРИКС может привести к тому, что организация станет просто площадкой для переговоров, а не реальным механизмом сотрудничества». В связи с этим он призывал к превращению этого объединения в “третью силу”, «своего рода новое “Движение неприсоединения”» (“Россия в глобальной политике”, 08.12.2021).

Разрыв с Европой и реакционные мечтания

Война на Украине и последовавший за ней, быть может, не входивший в расчёт Кремля полный разрыв с Европой заставил российскую буржуазию и её идеологов искать возможности для обхода санкций и преодоления изоляции. В этих условиях рассуждения о необходимости поворота на Восток и заигрывания с “Глобальным Югом” обрели новое, но отнюдь не свежее дыхание.

«Участие в БРИКС становится знаком принадлежности к миру, формирующемуся за пределами сложившегося западного доминирования. Речь совершенно необязательно должна идти о противостоянии. Намного ценнее умение обойти западные институты, снизить риски

от взаимодействия с ними», – писал 20 октября 2022 года на сайте журнала “Россия в глобальной политике” его редактор Фёдор Лукьянов. И пояснял: «Централизованная международная система, в которой есть очевидный гегемон, в любом случае заканчивается, как бы ни завершилась украинская баталия. А значит, и многообразие форматов будет в высшей степени востребовано. Новые обстоятельства открывают перед БРИКС перспективы».

Заместитель директора ДВП МИД России Всеволод Гребенчиков настаивал на необходимости «купировать попытки Запада подключить Индию и другие страны БРИКС к антикитайским и антироссийским инициативам. [...] Стратегическая автономия Индии, а также других стран БРИКС – залог относительно мирного перехода международной системы к более устойчивому состоянию с опорой на множественность центров силы» (“Международная жизнь” № 12, декабрь 2022).

Программный директор Валдайского клуба Тимофей Бордачёв заявлял, что «скромные ревизионистские пожелания участников БРИКС стали фактором, который ведёт если не к разрушению существующего международного порядка, то к его самой капитальной перестройке. [...] Многие государства мира смотрят сейчас на БРИКС как на группу, которая сможет если не подхватить знамя глобального управления у Запада, то хотя бы стать его второй опорой, более справедливой и менее корыстной по отношению к малым и средним государствам мира» (“Валдай”, 29.06.2023).

Расширять или углублять?

На проходившем 22–24 августа в ЮАР саммите БРИКС объединение 1 января 2024 года пополнится шестью новыми членами: Аргентиной, Египтом, Ираном, ОАЭ, Саудовской Аравией и Эфиопией. Заявки на членство подали 23 государства, а желание присоединиться выразили более 40 стран.

Причины стремления вступить в БРИКС разнообразны и требуют отдельного рассмотрения для каждого из потенциальных членов группы. Важнее то, что и среди пятёрки стран, давших имя этому акрониму, нет единства по многим ключевым проблемам. Индия, ЮАР и Бразилия проводят многовекторную политику и стремятся сохранить устойчивые связи с государствами Запада. Китай является протагонистом борьбы за “новый мировой порядок”. Россия уже вступила в борьбу. Исходя из этого ключевое противоречие можно вывести неизбежность разногласий и по другим вопросам, в том числе по поводу расширения объединения.

Так, ещё накануне саммита бразильский МИД высказал опасение, что влияние страны может быть ослаблено, если в блоке появятся несколько новых членов. Индия занимала аналогичную позицию, поскольку она «не заинтересована в том, чтобы БРИКС превратился в сферу влияния Пекина» (Folha de S.Paulo, 6.08.2023). «Новые члены присоединятся для того, чтобы быть ближе в первую очередь к Китаю, а не к Бразилии и Индии», – считает Оливер Штютенкель, адъюнкт-профессор в области международных отношений в бразильском университете Fundação Getulio Vargas (South China Morning Post, 5.07.2023).

Основным сторонником расширения является Пекин. Причина этого, считает директор Института стран Азии и Африки МГУ Андрей Маслов, заключается в том, что «Китай рассматривает БРИКС как возможность использовать юань для расчётов между странами альянса. Таким образом, он намерен укрепить свою валюту, в том числе и на внутреннем рынке. Плюс ко всему, Китай, конечно же, воспринимает БРИКС как разумную альтернативу многим другим объединениям – тем же G7 и G20» (РСМД, 25.08.2023).

Москва, которая находится в состоянии конфликта с Западом, прогнозируемо движется в фарватере Пекина. В этих условиях, пишет Ф. Лукьянов, «поскольку трансформация БРИКС в антизападный альянс невозможна, Москве тоже подойдёт поэтапное, но наибольшее расширение, превращение в максимально представительное сообщество, члены которого взаимоделивают друг с другом в обход западного давления или вопреки ему». В итоге «на условной развилке “расширение состава/углубление сотрудничества” выбран первый путь. [...] БРИКС встал на путь количественного роста, что не подразумевает автоматически рост качественный. В этом есть своя логика, хотя время покажет, насколько она правильная» (РСМД, 25.08.2023).

Генеральный директор РСМД Андрей Кортуннов также осознаёт, что «для любой многосторонней группы расширение состава порождает как новые возможности, так и новые проблемы», поскольку «за сколько-нибудь значительное расширение придётся заплатить немалую цену»: «Большее разнообразие внутри группы неизбежно порождает и больше разногласий между её отдельными членами». Но он понимает и то, что «процесс углубления без каких-либо перспектив расширения также создаёт проблемы. [...] Иногда те, кому было отказано в членстве, пытаются создать свой альтернативный клуб». При этом он учитывает, что БРИКС действует в контексте мирового противостояния: «Геополитические противники объединения в полной мере понимают последствия его возможного расширения; неудивительно, что руководство Соединённых Штатов настойчиво отговаривает своих партнёров в Латинской Америке и на Ближнем Востоке от подачи заявок на членство в БРИКС». В этой связи, по его мнению, «разумным подходом было бы попытаться сбалансировать два приоритета, открыв свои двери для постепенного, а не взрывного роста членства и одновременно сосредоточившись на наращивании институционального потенциала БРИКС» (РСМД, 21.08.2023).

Время мирового противостояния

Абишур Пракаш, генеральный директор консалтинговой фирмы The Geopolitic Business из Торонто, обращает внимание на то, что «все больше стран перестают учитывать мнение США и Европы при принятии решений, а вместо этого обращаются к БРИКС». Но при этом «наиболее острой проблемой, которая ведёт к “параличу” БРИКС, являются растущие трения между двумя ключевыми участниками: Индией и Китаем [...] Дальнейшие трещины в отношениях между двумя государствами приведут к сближению Индии с Западом, что подорвёт любые усилия БРИКС». В связи с этим он ставит вопрос: «Станет ли БРИКС+ ещё одной “хромой ут-

кой”, какой называют G20?» (South China Morning Post, 27.07.2023).

Ответ даст ход мирового противостояния. Пока же, считает А. Кортуннов, «БРИКС вряд ли можно квалифицировать как уже сложившуюся полноценную многостороннюю международную организацию» (РСМД, 21.08.2023).

Время покажет, смогут ли Пекин и Москва обратить в свою пользу желание целого ряда государств «не попасть в зависимость от капризов и прихотей США и их ближайших союзников» (Financial Times, 23.05.2023). Также со временем станет ясно, сможет ли Владимир Путин, который «столкнулся с проблемами на Украине», но «выигрывает на Ближнем Востоке, в Африке и Китае», воспользоваться своим «самым мощным активом» – непоследовательностью и противоречиями современного Запада. На этот актив указывает один из ведущих американских экспертов-международников Уолтер Рассел Мид (The Wall Street Journal, 28.08.2023).

По мнению члена Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) Александра Крамаренко, Москва уже выиграла украинский блицкриг, и время сегодня на российской стороне (“Международная жизнь” № 8, август 2023). Член исполнительного комитета Института Aspen Марта Дассу смотрит на эту проблему под иным углом. По её мнению, Путин уже проиграл политически, в мировом беспорядке у него нет настоящих союзников, и ему приходится лишь надеяться на то, что единство Запада со временем начнёт сыпаться (La Repubblica, 25.08.2023).

Как бы то ни было, время мирового противостояния ускорится, расширение БРИКС, чем бы оно ни закончилось, – ещё один шаг в направлении столкновения великих держав. Если на украинском фронте российский империализм использует свою вооружённую руку, то странам так называемого “мирового большинства” протягивает ту, что одета в бархатную перчатку. Пролетариат Африки, Азии и Латинской Америки должен помнить, что и она может взять в руки автомат. У оркестра “Вагнер” не стало дирижёра, но его действительный руководитель ещё надеется на новые гастрели.

Август 2023 г.

Арриго Черветто
МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР
2006, 352 страницы, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
библиография,
хронология 1990-1995,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

Крупные группы российского империализма

ЛУКОЙЛ: рабочие, лобби, география и сектора присутствия

Российская нефтяная отрасль, по данным Минэнерго (01.01.2021), включает 285 организаций, в том числе 98 входящих в структуру 11 вертикально-интегрированных нефтяных компаний (ВИНК), 184 независимых добывающих компании и 3 оператора соглашений о разделе продукции (СРП). При этом 84,1 % нефтедобычи обеспечивают ВИНК.

Залежи прибавочной стоимости

В недрах этого сектора кроются огромные залежи прибавочной стоимости: среднесписочная численность его работников на июль 2022 г. составила 402.863 человека. При этом в одной лишь ЛУКОЙЛ на конец прошлого года было занято 104.323 сотрудника. Казалось бы, это почти 26 % рабочей силы отрасли, но на самом деле мы имеем дело лишь с *грубым приближением*, поскольку требуется поправка на то, что часть сотрудников компании работает за рубежом и в секторе возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Так, по состоянию на 2021 год, 9,7 % персонала группы были заняты в Европе, 2,7 % в Азии, 2,5 % на Среднем Востоке и в Африке и 0,1 % в Северной Америке.

61 % сотрудников группы составляют рабочие и другие служащие, а на специалистов и руководителей приходится соответственно 27 и 12 %. В действительности численность пролетариата, который и приносит ЛУКОЙЛу прибавочную стоимость, несколько больше, так как часть специалистов и даже руководителей также следует отнести к тем, кто обеспечивает её производство.

При этом, по данным «Рэнкинга средних зарплат в крупнейших российских компаниях реального сектора за 2020 год», ЛУКОЙЛ находится на 11 месте из 19 нефтегазовых групп, входящих в этот рейтинг из 100 компаний, уступая его лидеру – НОВАТЭКу более чем в 2,5 раза.

Региональное присутствие

Нефтяной гигант имеет обширную географию присутствия на территории РФ, где заняты 85 % его рабочей силы. Традиционно – без учёта относительно новых для него объектов ВИЭ – предприятия ЛУКОЙЛа работают в четырёх федеральных округах РФ: Северо-Западном (Ненецкий автономный округ, Республика Коми, Калининградская область), Приволжском (Пермский край, Республика Татарстан), Уральском (Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО)) и Южном (Волгоградская и Астраханская области, Республика Калмыкия).

Обладая весомой экономической силой, группа конвертирует её в политическое влияние, добиваясь прямого представительства в органах законодательной и исполнительной власти, приводным ремнём при этом чаще всего служит «Единая Россия».

Если говорить о регионе наибольшего влияния ЛУКОЙЛ – ХМАО, то в «Топ-100 самых влиятельных людей ХМАО – Югры» 2022 г. входят восемь человек, напрямую связанных с компанией. Среди них замгубернатора региона Алексей Забозлаев, сделавший карьеру в ТПП «Урайнефтегаз», «дочке» ЛУКОЙЛа, а затем ставший главой г. Урая, и мэр

Когалыма – давней вотчины и «города-витрины» ЛУКОЙЛа – Николай Пальчиков, которого называют креатурой владельца компании Вагита Алекперова. Последний занимает в этом «Топ-100» четвёртое место и на протяжении многих лет является одним из самых *политически* влиятельных частных бизнесменов в России. Рупор российского промышленного капитала журнал «Эксперт» как-то назвал его «*прирождённым лоббистом*». В Пермском крае депутатом местного законодательства до 2021 г. был гендиректор ООО «ЛУКОЙЛ-ПЕРМЬ» Олег Третьяков. Директор ТПП «Лукойл-Севернефтегаз» ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» Николай Новожилов с 2018 г. заседает в Собрании депутатов Ненецкого автономного округа, а замгендиректора по связям с общественностью ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» Евгения Лясковская – в Госсовете Республики Коми. Её коллега – заместитель гендиректора по связям с общественностью ООО «ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть» Александр Ходаев – действующий депутат Думы Астраханской области. В Калининграде депутатом местной областной Думы до недавнего времени был гендиректор ООО «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть» Юрий Кесслер.

Ещё одним инструментом утверждения своего влияния в регионах присутствия для ЛУКОЙЛа является *социальный подкуп*. Компания занимается строительством жилья, детских садов, школ, инфраструктуры для туризма, благоустройством парков и поддержкой местных сообществ, причём не только в России, но и в Болгарии, Румынии, Мексике и Узбекистане. Это позволяет ЛУКОЙЛу не только проводить своих представителей в органы политической власти, но и поддерживать позитивный имидж в глазах российских и международных инвесторов, стейкхолдеров, регуляторов и «гражданского общества».

Другим инструментом этой стратегии является вторжение в сектор ВИЭ.

В гонке диверсификации

По данным новостного портала Высшей школы экономики HSE Daily, «[первая] половина 2022 года ознаменовалась небывалой активностью нефтегазовых и энергетических корпораций в поглощении компаний сектора ВИЭ», которая была вызвана ростом «*потребности глобального рынка в ВИЭ*» и заинтересованностью правительств западных стран в «*увеличении доли зелёной энергетики в их энергобалансе*».

Правда, российский правительство, в отличие от западных, по-видимому, не слишком заинтересовано в «зелёной» энергетике: как пишут аналитики *RePE* в докладе от ноября 2020 г., РФ, входящая в мировую топ-5 крупнейших производителей электроэнергии, «*в десятки раз отстаёт от других участников пятерки по развитию солнечной и ветровой энергетики*», а масштаб сектора ВИЭ в России – даже с учётом планов развития до 2035 г. – характерен скорее для «*малых стран*».

Возможно, именно поэтому ЛУКОЙЛ, который уже почти полтора десятилетия назад включился в «зелёный» тренд, сначала (в 2012–2013 гг.) приобрёл две ветряных электростанции (ВЭС) в Болгарии и одну в Румынии и лишь спустя годы (в 2017-м) начал

инвестировать в развитие ВИЭ в России, построив и запустив солнечную электростанцию (СЭС) на территории своего Волгоградского НПЗ (см. Энергетический переход и ограниченные возможности российского империализма // Пролетарский интернационализм. 2021. Февраль. № 78). В 2021 г. он запустил ещё одну СЭС на том же НПЗ, а летом 2022-го реализовал проект СЭС в Краснодаре. В декабре прошлого и в мае этого года ЛУКОЙЛ запустил, соответственно, 1-ю и 2-ю очередь Кольской ВЭС, ранее принадлежавшей итальянской Enel, которая вскоре после начала украинской войны объявила о поэтапном сворачивании бизнеса в РФ. Параллельно ЛУКОЙЛ заявил, что завершит проекты Enel по строительству ветропарка и новой солнечной электростанции в Ставропольском крае («Эксперт Юг», 09.03.2023). Таким образом, компания стала участником вызванного войной передела собственности и рынка, прибав среди прочего к рукам активы британо-нидерландской Shell – сеть АЗС в Центральном и Северо-Западном федеральных округах (около 400 заправок) и завод по производству масел в Тверской области («Ведомости», 29.07.2022).

Кроме того, корпорация владеет четырьмя ГЭС на юге России. Всё это собственное производство и потребление «зелёной» электроэнергии нужно ЛУКОЙЛу для снижения углеродного следа производимой продукции и сокращения косвенных выбросов парниковых газов. Но не стоит сбрасывать со счетов и финансовый аспект. В целом по состоянию на конец 2022 г. доля доходов ЛУКОЙЛа, полученных от продажи электроэнергии, произведённой от ВИЭ, составила 15 %, тогда как доля выработки электроэнергии от ВИЭ в общем объёме выработки – 4,4 %. Очевидно, что игра стоит свеч, поэтому в 2021 г. группа заявила о намерении за десятилетие инвестировать в «зелёную» энергетику 15 млрд долл. По оценкам профильных аналитиков, это на 30 % превышает планы *всего* остального сектора электроэнергетики РФ («Коммерсантъ», 17.12.2021). Тем самым ЛУКОЙЛ становится *ключевым* игроком российской отрасли ВИЭ.

«Требовательные» рабочие

Но модная «зелёная» маска не способна скрыть простой факт: в недрах российского капитализма по-прежнему тлеет огонь классовой борьбы.

К концу первого десятилетия третьего тысячелетия, когда собственники ЛУКОЙЛа переваривали накопленный ими опыт интернационализации, представитель компании заметил, что «*рабочие, возвращаясь из поездок за рубежом по обмену, требуют «принципиально другого отношения к себе»*» («Эксперт», 14.01.2008). С тех пор рабочие, очевидно, ещё не раз огорчали собственников своей «требовательностью».

ЛУКОЙЛ предпочитает замалчивать трудовые конфликты на своих предприятиях, но всё же из различных СМИ периодически доносятся отзвуки классовой борьбы. Где-то рабочие устраивают пикеты, где-то перекрывают трассы. В 2013 г. бастовали вахтовики подрядных организаций «дочек» ЛУКОЙЛа на Усинском газоперерабатывающем заводе, в 2016-м – на место-

рождении им. Виноградова в ХМАО, а в 2019 г. работники АЗС в Астрахани.

Империализм и классовый авангард

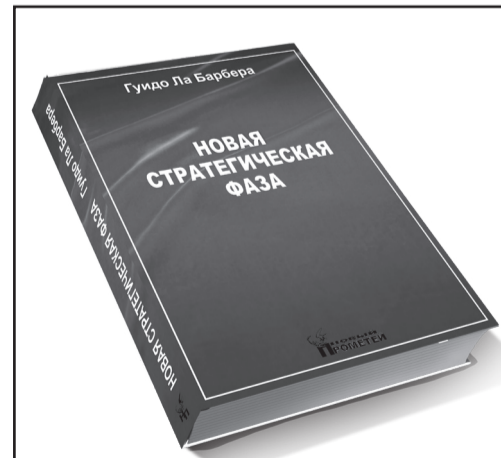
Состав совета директоров ЛУКОЙЛа отражает теснейшую связь промышленного и финансового капитала: в 2006–2010 гг. в нём находился основной акционер банка «Уралсиб» Николай Цветков, в 2010–2013 гг. председатель правления «Сбербанка» Герман Греф, а в 2019–2022 гг. сооснователь инвестиционной компании «Тройка Диалог» Павел Теплухин, сыгравший ключевую роль в создании российского рынка ценных бумаг. Отчётливо видно в этом зеркале и срастание интересов крупного бизнеса и российского государства: в 2010–2018 гг. там заседал экс-министр иностранных дел и президент РСМД Игорь Иванов, в 2006–2014 гг. президент РСПП Александр Шохин, а в 2010–2022 гг. Виктор Блажеев – председатель Ассоциации юристов России, попечительский совет которой возглавляет бывший президент РФ Дмитрий Медведев.

ЛУКОЙЛ – один из столпов российского государства, развязавшего империалистическую войну на Украине, которую Кремль, прибегая к историческим «*изысканиям*», пытается выдать за освободительную, но, как писал Ленин, «*доказательство того, каков истинный социальный, или вернее: истинный классовый характер войны содержится, разумеется, не в дипломатической истории войны, а в анализе объективного положения командующих классов во всех воюющих державах*»¹.

Анализ крупнейших групп российского капитала, их срастания с интересами российского государства является инструментом формирования классового авангарда, помогая *привносить сознание извне* непосредственных отношений между трудом и капиталом, срывая фигурные листы «*социальной политики*» и «*зелёной*» повестки, за которыми скрывается голый интерес к увеличению прибыли – *бессердечный чистоган*.

Август 2023 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 304.

Guido La Barbera

Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт, 4 карты, хронология, библиография, биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

Переворот и мигранты в кризисе Нигера

26 июля власть президента в Нигере была свергнута в результате военного переворота, возглавляемого генералом Абдурахманом Омаром Тчиани, начальником президентской гвардии с 2011 года. Страна располагается в Сахеле – полосе суши к югу от Сахары, – и до 1960 года была французской колонией. Она богата урановыми месторождениями, но с населением в 26 миллионов человек относится к числу беднейших в мире.

Переворот в Нигере – третий по счёту в Сахеле с 2020 года после тех, что произошли в Мали и Буркина-Фасо. Начиная с 1960 года в этих трёх странах произошло 11 переворотов с длительными фазами военных режимов.

Границы из бумаги и песка

По мнению наблюдателей, череда переворотов, принёсшая региону прозвище «*пояс переворотов*», является отражением ливийского кризиса 2011 года и последующей французской интервенции, начавшейся в 2013 году и направленной на сдерживание распространения нестабильности на Мали. Режим Муаммара Каддафи, учитывая его амбиции арабо-африканской империи, был фактором дестабилизации региона. Тем не менее, благодаря доходам от продажи нефти, он стал парадоксальным фактором порядка, включив в свои вооружённые силы, регулярные и нерегулярные, различные диссидентские компоненты. Например, речь идёт о туарегах, бербероязычном мусульманском населении, широко представленном в Мали, Нигере, Алжире, Мавритании, Ливии и Тунисе. Или же об исламистских террористических осколках, возникших в результате гражданской войны в Алжире (1991–2002 гг.) и превратившихся в местные филиалы «Аль-Каиды» и ИГИЛ. Огромные ливийские арсеналы, а также личный состав, подготовленный вооружёнными силами Триполи в рамках «*Исламского*» или «*Зелёного легиона*» после падения Каддафи, перетекли в соседние страны Сахеля и региона Сахары (Michel Goya, «*Le temps des guerres*», 2022).

Крайне неустойчивое состояние этих государств, границы которых, по словам историка Камиллы Лефевр, являются «*границами из бумаги и песка*», что стало результатом территориального раздела между колониальными державами, также имеет большое значение. На протяжении столетий в Сахеле существовали различные политические образования: от чёрных королевств юга до номинального марокканского и османского суверенитета или чёрных и туарегских султанатов на севере Мали или Нигера. Это никогда не способствовало эффективной государственной централизации, учитывая характер региона, в основном пустынного на севере и характеризующегося ролью транзитного пути. В 1900 году от 25 до 75 % населения современного Нигера находилось в подневольном положении в рамках феодального общественного устройства.

Военный бренд «Франсафрики»

В колониальной и постколониальной логике Франции Сахель выполнял прежде всего функцию обеспечения территориальной преемственности её владений и поддержания «*военного бренда*», защищая как средиземноморские колонии, так и те, что расположены на побережье Гвинейского залива. Открытие важных природных ресурсов, таких как уран, нефть и минералы Нигера, повысило его экономическое значение.

Однако сегодня регион фактически стал играть роль европейского «*погра-*

ничного бренда» и буфера для миграционных потоков из стран Африки южнее Сахары, а также против экспансии и укоренения террористических «*халифатов*». Первоначальной целью французской интервенции 2013 года в Мали, названной операция «Сервал», было предотвращение распада малийского государства, которому угрожало продвижение арабо-туарегских вооружённых формирований с севера страны к столице Бамако. И в Нигере, и в Мали проживают значительные арабо-туарегские меньшинства, которые на протяжении десятилетий поднимали восстания против центральных властей. В Мали эти восстания начались в 1963–1965 годах в ответ на «*чёрный колониализм*». В случае Нигера они были вызваны требованием более справедливого распределения доходов от добычи урана, месторождения которого сосредоточены на исконных территориях туарегов. В обоих случаях до 2011 года свою роль играло спонсорство Ливии (Paul Anselin, «*La France et les Touaregs*», 2015).

Последующая восьмилетняя операция «Бархан» была направлена на стабилизацию обстановки в регионе с привлечением почти 5 тысяч французских солдат и европейской миссии, а также на создание местных сил (Sahel G5), в состав которых вошли Мавритания, Чад, Нигер, Мали и Буркина-Фасо, для контроля границ.

Русские призраки и каперы

По мнению военного историка Гойя, нельзя исключать того, что активизация операций в регионе, особенно в Мали и Нигере, привела к росту антифранцузских настроений и подрыву поддержки правительств со стороны военных. Бамако, претендовавший в 60-е годы прошлого века на роль центра panaфриканской революции, с 1960 года поддерживает отношения с Москвой и Пекином. Что касается Парижа, то в отношениях с ним наблюдается двойственность, что верно для большей части «*Франсафрики*» – этот термин был введён в конце 1950-х годов, чтобы описать особые связи между Парижем и бывшими африканскими франкоязычными колониями.

Отношения между «*Марианной и её чёрными сёстрами*», по словам историка Жан-Пьера Бата, характеризовались колебаниями любви и ненависти к метрополии. Местные режимы использовали антифранцузские жесты как для придания себе национальной легитимности, так и для утверждения своей значимости в качестве «*друзей Франции*». Иначе говоря, они играли на формуле «*независимость во взаимозависимости*», которая с 1958 года определяла отношения на двусторонней основе. Она же использовалась в рамках торга на трансальпийском политическом столе. С середины 1980-х годов, по мере изменения международной конъюнктуры и «*исчерпания славного тридцатилетия*», французского «*экономического чуда*», Париж стал постепенно осознавать объективные ограничения в возможностях управления своими владениями. В связи с этим была проведена корректировка, направленная на превращение «*Франсафрики*» в «*Еврафрику*», согласно миттерановской формуле конца 1950-х годов, в которой он связал национальные интересы с европейскими, сохранив за собой роль арбитра и посредника (J.-P. Bat, «*Le syndrome Foccart*», 2012).

В современных условиях, размахивая российским призраком в лице ЧВК «Вагнер», Париж стремится придать евроатлантическое измерение сахельскому кризису, связав его с войной на Укра-

ине. Нужно сказать, что Москва умело использовала ливийский конфликт, как и сирийский, чтобы без особых затрат внедриться на Чёрный континент. Однако масштабы не сопоставимы с 1970–1980-ми годами, с интервенциями на Африканском Роге, в Анголе и Мозамбике, которые были отмечены значительными успехами, но в то же время стали фактором перенапряжения Москвы. «Вагнер», если угодно, представляется московским вариантом «*каперов Республики*», которых Париж широко использовал на африканской земле в качестве неформальных проводников своих интересов.

«Навигаторы» Агадеса

Рука Москвы не просматривается в событиях в Нигере: вполне вероятно, что здесь сыграли роль внутренние факторы, а хунта подмигнула Москве из конъюнктурных соображений. Считается, что генерал Тчиани сместил президента Мохамеда Базума, опасаясь отстранения от командования президентской гвардией. Но и принадлежность Базума к арабскому меньшинству, а также его чрезмерно примирительное отношение к туарегам, возможно, сыграли свою роль, увеличив вес Тчиани в вооружённых силах.

Как пишет *Le Monde*, туареги жалуются на ужесточение правил борьбы с нелегальной иммиграцией, предусмотренное соглашениями с ЕС от 2015 года. Агадес, четвёртый по величине город Нигера, находящийся в регионе проживания туарегов, превратился из туристического центра в центр переправки мигрантов в страны Магриба и Европу. Местные лидеры недовольны тем, что «*границы ЕС были перенесены в Агадес*», поскольку значительная часть населения занята в сфере «*миграционных услуг*», т. е. питания, проживания и транспорта. Используя средства ЕС, Ниамей якобы поспособствовал превращению «*контрабандистов*» в «*действующих лиц миграционного процесса*», усложнив транспортировку. В этом контексте можно говорить о нигерском варианте «*навигаторов*»¹ – не нашедшей применения идее первого и второго правительств Джузеппе Конте в Риме. Значимого успеха достигнуто не было, увеличилось лишь число жертв и пропавших без вести в песках Сахары. Тчиани, в свою очередь, якобы заявил, что «*Россия у него в сердце*», несмотря на прохождение обучения во французской и марокканской военных академиях.

«Удар в спину» от Вашингтона

По некоторым версиям, генерал перешёл в православие после того, как ему очень понравилась какая-то русская певица. Как бы то ни было, Вашингтон и Рим исключают роль России в перевороте в Нигере и ставят крест на позиции Парижа, выступающего за поддержку военной интервенции ЭКОВАС – экономической организации государств Западной Африки, в которую входит и нигерийский гигант.

И со стороны Парижа, и со стороны Вашингтона в Нигере размещено более 2500 военнослужащих: в случае Франции это часть контингента операции «Бархан»,

в случае США – личный состав основной базы разведывательных и боевых беспилотников командования театра военных действий Africom – структуры, начавшей работу в 2008 году. В Мали находится около тысячи немецких военнослужащих, 350 итальянцев – в окрестностях Ниамея. Нигерская хунта потребовала вывода французских военных, но не контингентов других стран. *Le Monde* со ссылкой на источники в Елисейском дворце и на набережной Орсе называет позицию США «*ударом в спину*»: официально американцы не говорят о перевороте и ведут переговоры с представителями военной хунты, в частности с бывшим командиром нигерского спецназа, которого в кругах Пентагона называют «*своим парнем*».

По мнению источников Atlantic Council, американские стратегические интересы отличаются от французских. В Вашингтоне «*Сахель считается безнадёжным делом*»: военная интервенция против хунты рискует усилить российское и китайское влияние, поскольку Пекин имеет интересы в отношении нигерского урана, что ставит под угрозу военное присутствие в Агадесе. С точки зрения *Le Monde*, американская поддержка французских действий была бы полезна, поскольку она позволила бы заручиться ответной поддержкой Парижа по другим повесткам: России, Китаю и Ирану. По словам Жоржа Мальбрюно из *Le Figaro*, Эмманюэль Макрон исключил возможность превентивного вмешательства спецназа для спасения Базума, предложенного DGSE, службой внешнеполитической и военной разведки, но отрицательно встреченного дипломатами, опасавшимися спровоцировать уличные демонстрации. Макрон затем поддержал идею африканского военного вмешательства через ЭКОВАС во главе с Нигерией. Однако он столкнулся с противодействием некоторых стран-членов Африканского союза и нежеланием Вашингтона, Берлина и Рима оказывать поддержку в данном вопросе. Последние смотрят на африканские дела через призму миграции, а не через геополитическую оптику Парижа. Мальбрюно считает, что германо-итальянская позиция формулируется под знаком «*реализма*» и представляется наиболее мудрой.

Тем не менее, кризис в Ниамее свидетельствует о «*снижении статуса Франции*» как мировой державы. Процесс деколонизации для страны ознаменовался 17-летними конфликтами с 1945 по 1962 год, главными из которых были войны в Индокитае и Алжире, и более чем 50 военными интервенциями с 1958 года по настоящее время (P. Vermeren, «*Le choc des décolonisations*», 2015; M. Goya, *op. cit.*). Африка, наряду с ядерным оружием, обеспечивала Парижу мировой статус. Она остаётся таковой и сегодня, но только в связке с европейским континентальным масштабом.

Lotta comunista, июль – август 2023 г.

1 – Навигатор – это чиновник, задачей которого должна была быть профессиональная ориентация граждан.

Красная полевая почта

I

Фридрих Энгельс в своём «Прощальном письме читателям газеты «Sozialdemokrat» от сентября 1890 г. описывал борьбу в период Исключительного закона против социалистов (1878–1890 гг.) как «двенадцать самых решающих лет в жизни германской рабочей партии»¹.

Бисмарк и социал-демократия

Отто фон Бисмарк размышлял над этими мерами ещё со времён Франко-прусской войны, когда немецкое рабочее движение отставало откровенно интернационалистскую позицию, а Август Бебель в речи в рейхстаге выразил классовую солидарность с Парижской коммуной.

Во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. социал-демократы повсюду устраивали народные митинги для осуждения внешней политики Бисмарка. Историк Эрнст Энгельберг в книге «*Revolutionäre Politik und Rote Feldpost, 1878–1890*» замечает, что до этих событий «общественное мнение и большинство буржуазных политиков считали внешней политикой монополией и тайным искусством Бисмарка, непогрешимостью которого была вне всяких сомнений. Теперь эти вопросы, казавшиеся слишком сложными для народа (вопросы, от которых зависела его жизнь и смерть!), обсуждались и выносились на решение на народных собраниях».

Таким образом, после Франко-прусской войны немецкий пролетариат стремился к тому, чтобы «самому овладеть тайнами международной политики»², как призывал Маркс в «Учредительном манифесте Международного Товарищества рабочих» (1864 г.). Кроме того, как замечает Энгельс в «Роли насилия в истории», с объединением социал-демократии на съезде в Готе и благодаря разъяснительной работе «Капитала» и «Анти-Дюринга» происходил следующий процесс: «Правоверное лассальянство [...] постепенно сходило на нет и всё больше и больше обнаруживало свою неспособность создать ядро бонапартистско-государственно-социалистической рабочей партии»³. Энгельберг пишет: привлекательность Бисмарка для немецкого рабочего класса, подогреваемая лассальянским течением, ослабевала, хотя, как мы увидим, и не исчезала полностью, и «по сравнению с временами Лассалья и вообще шестидесятыми годами рабочий класс приобрёл более реальную силу и получил реальную автономию». Теперь социал-демократия стала силой, с которой нужно было считаться, и Бисмарк прибег к репрессиям.

Заговор Моста

Ленин так резюмирует в «Что делать?» конфликт немецких течений 1878–1880 гг.: «Когда на германских социалистов обрушился исключительный закон, – один план был у Моста и Гассельмана, готовых просто звать к насилию и террору, другой – у Хёхберга, Шрамма и (отчасти) Бернштейна, которые стали было проповедовать социал-демократам, что они своей неразумной резкостью и революционностью вызвали закон и должны теперь заслужить примерным поведением прощение; третий план – у тех, кто подготавливал и осуществлял издание нелегального органа»⁴.

Маркс в письме Фридриху Адольфу Зорге от 19 сентября 1879 г. поясняет: «Мы ставим в вину Мосту не то, что его «Freiheit» слишком революционна. Мы обвиняем «Freiheit» в том, что в ней нет никакого революционного содержания, а

только одни революционные фразы [...] и, во-вторых», в том, что Мост пытается «пустить в оборот нелепые тайные заговорщицкие планы»⁵.

Энгельс писал Иоганну Филиппу Беккеру 1 июля 1879 г., что трудное положение в Германии «привело к тому, что герои революционной фразы теперь снова воспрянули духом и стремятся склоками и интригами дезорганизовать партию»⁶. Франц Меринг сообщает, что политическая недалёковидность Моста и его соратника Вильгельма Гассельмана вела к тому, что во *Freiheit* проникли шпионы из немецкой полиции. Естественно, стоит отметить, что анархизм в целом нельзя отождествлять с тайными объединениями и тактикой Моста и Гассельмана. В случае Германии речь шла о мелкобуржуазном варианте анархизма, а не о его рабочем выражении.

«Учить, организовывать, пропагандировать!»

Перед лицом эффективного классового движения, особенно городского, анархизм не имел в Германии того отупляющего значения, какое он приобрёл на какое-то время в царской России, и не мог похвастать значительными последователями. Однако, как отмечает Энгельберг, «некоторые особенно фанатичные лассальянцы, концепция государства которых представляла собой полную противоположность тому, что проповедовали анархисты, вступили в 1970-х годах в союз по расчёту с анархистскими группами за пределами Германии исключительно из ненависти к марксистам». Из этих «беспринципных обид» вышел анархизм лассальянца Гассельмана, представляющий собой особую смесь старого лассальянского сектантства и отголосков мелкобуржуазного индивидуалистического анархизма.

Когда анархизм становился выражением реального движения рабочего класса, отвергнув тупик заговора и индивидуального террора, он проявлял революционную широту и мужество, как в случае с чикагскими анархистами, повешенными после первой большой демонстрации за 8-часовой рабочий день 1 мая 1886 г. Лидерами чикагских анархистов были в основном американцы немецкого происхождения, такие как Луис Лингг, Георг Энгель, Август Шпис и Адольф Фишер. Бебель оценивал их борьбу с революционной точки зрения и дал указание опубликовать последние слова Шписа в *Sozialdemokrat*: «Это прекрасное средство агитации [...] ещё и потому, что эти люди заслуживают публичного признания мужества, с которым они встретили свой приговор». Именно в те дни руководство осиротевшей газетой чикагских анархистов принял марксист Иосиф Дицген.

На съезде в Санкт-Галлене в октябре 1887 г. социал-демократия обсуждала отношения с течением Моста, эмигрировавшего в США в 1882 г. со своими динамитными проектами – об этом пишет Зорге в книге «*Il movimento operaio negli Stati Uniti d'America, 1783–1892*», переизданной в 2002 г. издательством *Pantarei*. В заключительной речи Вильгельм Либкнехт подчеркнул, что анархизм Моста «политически и экономически бессилен, его нельзя примирить ни с революционным действием, ни с современным крупным производством». На различие между тайной заговорщицкой организацией и классовой партией очень эффективно указывает Меринг: «Политическая организация немецкого рабочего класса была разрушена, но его эко-

номическая организация не могла быть уничтожена, пока существует современная цивилизация, пока существует механизм капиталистического процесса производства, который объединяет, образует и организует рабочий класс. Он открыл им тысячи путей быстрого согласования своих действий, без надобности прибегать к опасному и обоюдострому средству, иерархически построенной тайной организации»⁷.

В этом смысле реальным ключом к успеху социал-демократии против бисмарковских репрессий являлось сочетание легальной и нелегальной работы. В противовес методам Моста Либкнехт запустил лозунг: «Учить, организовывать, пропагандировать!».

Парламентаризм и «коллективный организатор»

С такой же решимостью разворачивалась битва и на противоположной стороне – в лагере правого оппортунизма. Она нашла выражение, в частности, во фракции в рейхстаге, где присутствовали прежде всего сторонники теории Лассалья в форме легализма и государственного социализма.

В эти годы марксизм оказался лучшим оружием против политики Бисмарка и его идейного ответвления в рабочем движении – лассальянства. Победе социал-демократии над Бисмарком в 1890 г. до известной степени сопутствовала внутрипартийная победа марксизма над лассальянством, выразившаяся в том числе в издании «Критики Готской программы» и принятии Эрфуртской программы (1891 г.).

Закон против социалистов фактически создал дуализм внутри социал-демократии. В августе 1882 г. Бебель открыто заявил, что «в настоящее время в партии сосуществуют два различных течения». Оппортунисты настаивали на решении съезда в Видене, назначившего парламентскую фракцию руководящим органом партии. Но этот формалистский аргумент не учитывал реальных условий революционной борьбы и фактически служил предлогом, с помощью которого пытались захватить власть реформистские тенденции. Таким образом, противостояние касалось принципиальных вопросов.

Ещё 1 апреля 1880 года Энгельс писал Иоганну Филиппу Беккеру: «Я не возражаю против того, чтобы те, кто избран в члены парламента, стояли во главе, потому что никакого другого руководства нет. Но того беспрекословного повиновения, которого могло требовать старое партийное руководство, избранное для этой цели, они не могут требовать, да и не сумеют добиться. В особенности при теперешних условиях – без прессы, без массовых собраний»⁸.

Но центральный орган партии *Sozialdemokrat* должен был быть непреклонен в своей революционной линии как истинный «коллективный организатор»⁹, по выражению Ленина.

Парламентский кретинизм

Сочетая легальную и нелегальную работу, Бебель предостерегал от скатывания к парламентаризму и тем более к «парламентскому кретинизму». В письме Юлиусу Моттелеру (организатору «красной почты» – подпольного распространения газеты) от 21 декабря 1884 г. Бебель пишет: «Вся эта парламентская игра мне потихоньку становится противна, и если я думаю о том, сколько энергии, времени и денег тратится ву-

стую и что в итоге получается положительно, то потом часто задаюсь вопросом: а стоит ли ещё участвовать?».

В июле 1885 г., в разгар внутренних разногласий в партии, в письме к Либкнехту, стремившемуся свести эти разногласия к минимуму, Бебель писал, что считает «величайшей ошибкой, с точки зрения интересов партии, то, что конфликт, существующий внутри партии, постоянно скрывается и выдаётся за нечто несуществующее. Даже конфликт может способствовать достижению гармонии в партии, но вместо этого он нарушает её единство и силу».

Бебель упрекает оппортунистических вождей в том, что они упускают из виду классовые интересы, в то время как мандат в рейхстаге удовлетворяет их тщеславию и честолюбию; «к тому же большинство из них уже не участвует, а если и участвует, то идут весьма сомнительными путями, отдалились от практической жизни и не знают, как она выглядит изнутри; наконец, антисоциалистический закон отдаляет их от масс и выводит из-под их контроля». В другом письме к Либкнехту от 25 мая 1885 г. Бебель предупреждает: «[Если] мы придём к разрыву, то я обязательно встану на сторону цюрихцев, и Энгельс тоже».

В марте 1885 г. Бебель писал Моттелеру: «Иногда вся эта парламентская болтовня отталкивает меня. После почти каждого выступления я испытываю какое-то угрызение совести, потому что вынужден повторять себе, что там, на ложах, из которых судят о всём мире и которые многими почитаемы, не решается судьба истории», – а затем заверял организатора красной почты: «Ваша работа эффективнее и нужнее».

Lotta comunista, январь 2023 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 81.

2 – Там же. Т. 16. С. 11.

3 – Там же. Т. 21. С. 469.

4 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 48.

5 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 34. С. 325.

6 – Там же. С. 299.

7 – Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». Выпуск восьмой, 1896. С. 5. С. 89.

8 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 34. С. 350.

9 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 5. С. 11.

**Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию**

364 страницы, твердый переплёт,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Борьба с коронавирусом

Китай навёрстывает отставание

Успехи, достигнутые компаниями BioNTech и Moderna при разработке в исключительно короткие сроки инновационных "генетических вакцин" против вируса SARS-CoV-2, являются плодом десятилетних исследований мРНК (рибонуклеиновой кислоты). В частности, они являются венцом пятилетних исследований двух компаний, направленных на применение этой технологии для создания вакцин против рака. Китайские учёные также начали работать над созданием вакцин против Covid на основе мРНК после вспышки пандемии. Однако прогресс был медленным.

В поисках генетических вакцин

Военная академия медицинских наук, Suzhou Abogen Biosciences и Walvax Biotechnology объявили о создании вакцины AWcorna на базе мРНК уже в июле 2020 года (*New York Times*, "Vaccine Tracker"). Результаты первых клинических испытаний оказались весьма многообещающими, однако последующие испытания третьей фазы привели к тому, что введение препарата в Китае было отложено, поскольку он не получил необходимой авторизации. В то же время вакцина получила "зелёный свет" для экстренного применения в Индонезии – первой стране кроме самого Китая, одобряющей китайскую мРНК-вакцину (*Reuters*, 29 сентября 2022 г.).

Walvax – частная компания со штаб-квартирой в городе Куньмин (провинция Юньнань), котирующаяся на Шанхайской фондовой бирже, с годовым объёмом продаж 756 млн долл. в 2022 году и численностью работников около 2200 человек. Компания была основана в 2001 году и специализируется на производстве вакцин, которые она экспортирует во многие страны Азии и Африки, а также в США. Помимо AWcorna, компания разрабатывает ещё одну мРНК-вакцину против Covid-19 в сотрудничестве с RNACure и Фуданьским университетом (BO3, "Covid-19. Landscape of novel coronavirus candidate vaccine development worldwide"). Abogen из города Сучжоу (провинция Цзянсу) – небольшая биотехнологическая компания, основанная лишь в 2019 году и занимающаяся исследованиями новых методов лечения, в частности терапии рака на основе РНК- и ДНК-технологий.

В течение 2021 и 2022 годов ещё не менее десятка биотехнологических компаний приступили к клиническим испытаниям вакцин против коронавируса на основе мРНК. Наибольшие шансы на успех имела AWcorna, однако первой на рынок вышла SYS6006 от компании CSPC Pharmaceutical Group из Шицзячжуана (столица провинции Хэбэй), которая начала клинические испытания только в апреле 2022 года. 22 марта Национальное управление по медицинским изделиям Китая (NMPA) выдало разрешение на экстренное применение действительно первой генетической вакцины против Covid полностью изготовленной в Китае. Компания утверждает, что она обеспечивает хорошую защиту от вариантов Омикрон и имеет преимущество перед конкурентами в том, что не требует хранения при очень низких температурах, оставаясь стабильной "в течение длительного времени" при температуре от 2 до 8 градусов Цельсия. Вакцинация началась в апреле в провинции Хэбэй и предлагается в качестве бустерной дозы.

CSPC – холдинговая компания, занимающаяся производством и продажей фармацевтических препаратов, включая биотехнологические, в различных областях медицины. 17 % её экспорта приходится на страны Азии, Европы и Америки. В

компания работает около 28 тысяч человек, её товарооборот 4,6 млрд долл., и она торгуется на Гонконгской фондовой бирже. Крупнейшим акционером компании является миллиардер Цай Дунчэнь, занимающий посты председателя совета директоров и генерального директора, а в число основных инвесторов входят такие международные финансовые институты, как UBS и BlackRock ("MarketScreener").

CSPC была образована в 1997 году в результате слияния четырёх фармацевтических компаний в Шицзячжуане, но её корни, по словам представителей компании, уходят в 1938 год, когда для снабжения бойцов в войне против Японии была создана "Фабрика санитарных материалов Цзичжунского военного округа".

Остальные компании – это преимущественно стартапы, созданные в последнее десятилетие, причём некоторые из них – только в 2021 году, в разгар пандемии, и привлекающие значительный поток финансирования. Например, Abogen, акции которой также котируются на Гонконгской фондовой бирже, в 2021 году привлекла 1,1 млрд долл. от международных инвесторов, включая сингапурский государственный фонд Temasek и компанию по управлению инвестициями Invesco (*Financial Times*, 10 января 2022 года).

Не считая "джереников"

Джером Ким, директор Международного института вакцин в Сеуле, объясняет медленное продвижение китайских биофармацевтических компаний в развитии технологии мРНК год назад отсутствием необходимых научных ноу-хау и крупномасштабных производственных мощностей для выпуска такого рода продукции. Однако, по его же словам, «это лишь вопрос времени» (*Financial Times*, там же).

Пандемия ускорила исследования в области генетических вакцин, но ставка на биотехнологии является частью десятилетней погони Китая за сокращением разрыва в этом стратегическом секторе с США, Европой и Японией, в то время как другие конкуренты в данной сфере, такие как Сингапур, Израиль, Индия и Южная Корея, тоже продвигаются вперёд.

За последнее десятилетие сектор здравоохранения в Китае претерпел глубокие изменения. Прежде всего, речь о количественном аспекте: происходил впечатляющий рост, благодаря которому фармацевтический рынок страны стал вторым по величине в мире. По оценкам Китайской ассоциации развития фармацевтических инноваций и исследований (PhIRDA), на национальный фармацевтический сектор приходится 4441 компания (*Nature Biotechnology*, "The next biotech superpower", ноябрь 2019 г.). В настоящее время насчитывается более 5 тысяч малых и средних предприятий (Daxue Consulting): им приходится удовлетворять растущие внутренние медицинские потребности в связи с увеличением потребления, старения населения и распространения хронических заболеваний, а также поставлять на международный рынок недорогую продукцию. Эта мощная и раздробленная производственная структура традиционно занималась производством базовых химических ингредиентов, активных веществ и "джереников" – копий лекарств, уже прошедших испытаний за рубежом и имеющих истёкшие патенты. Китай является крупнейшим в мире производителем активных фармацевтических ингредиентов, и от его производства (а также от Индии) зависит значительная часть европейских и американских поставок даже самых необходимых лекарств, что

неоднократно вызывало тревогу по обе стороны Атлантики.

Однако Китай стремится к расширению масштабов инновационной деятельности, и неудивительно, что биотехнологический сектор находится в авангарде процесса. В последние годы всё больше биофармацевтических компаний, занимающихся научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами (НИОКР), стали выпускать на рынок инновационные препараты, полностью "сделанные в Китае". В 13-м пятилетнем плане (2016–2020 гг.) биотехнологии уже были включены в число «развивающихся отраслей стратегического значения», требующих поддержки. В 14-м плане, реализация которого началась в 2021 году, целевой уровень расходов на биофармацевтические исследования и разработки к 2025 году задан на уровне 10 %.

Консалтинговая компания McKinsey предлагает оценить рост биотехнологического сектора Дракона через призму финансовых показателей. В 2016 году рыночная стоимость китайских компаний, ориентированных на инновации и котируемых на фондовых биржах (включая Nasdaq, Гонконг и Шанхай), составляла 3 млрд долл., к 2021 году она превысит 380 млрд, из которых 180 млрд приходятся на представителей биотехнологического сектора. Биотехнологический сектор привлёк значительный поток инвестиций, а китайские биотехнологические стартапы доминируют в привлечении средств на IPO (первичное размещение акций): в 2018–2020 годах они провели семь из десяти крупнейших биофармацевтических IPO в мире.

Побочным результатом такого притока финансирования стал быстрый рост объёмов НИОКР, что позволило местным биотехнологическим компаниям закрепиться на внутреннем рынке и начать зарубежную экспансию. В период с 2016 по 2020 год количество инновационных молекул, проходящих клинические испытания в Китае, росло в среднем на 32 % в год. За пятилетний период доля местных биотехнологий выросла с 38 % до 56 % в 2020 году. В глобальном масштабе доля китайских фармацевтических препаратов в инновационном конвейере (химическом и биологическом) в период с 2015 по 2020 год выросла с 4,1 до 13,9 % (McKinsey, "The dawn of China biopharma innovation", 29 октября 2021 г.).

Не только микросхемы

«Биотехнологии могут стать следующим полем битвы между США и Китаем», – пишет *Wall Street Journal*. Другими словами, она станет частью «большой игры», которая, по мнению Марты Дассу, будет вестись на технологическом поле (*Corriere della Sera*, 2 июня). В сентябре прошлого года президент США Джо Байден подписал распоряжение, согласно которому федеральные ведомства и правительственные агентства должны разработать необходимые планы по освоению биотехнологических инноваций, призванных изменить американскую промышленность ("Advancing biotechnology and biomanufacturing innovation for a sustainable, safe and secure American bioeconomy"). На карту, подчёркивают в Белом доме, поставлена «национальная безопасность». По мнению аналитиков Special Competitive Studies Project, «Китай намерен стать мировым лидером» в области биотехнологий. Масштабные инвестиции направлены не только на здравоохранение, но и на «потенциальное превращение биотехнологических инноваций в военное преимущество» (SCSP, "Национальный план действий по обеспечению лидерства США в области биотехнологий", апрель 2023 г.).

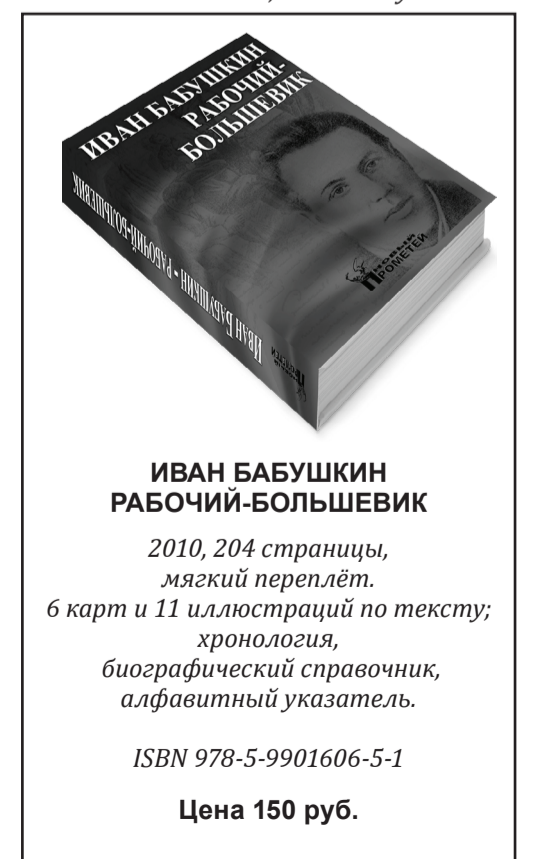
Америка, как и Европа, опасается утратить своё пока ещё во многом доминирующее положение в ключевом секторе, как это уже произошло в других областях. Причём, отмечается, что это происходит за счёт западной промышленности и науки. На самом же деле китайская биотехнология во многом в долгу перед научным развитием на Западе, особенно в США. В биографиях многих молодых китайских биотехнологических менеджеров, участвующих в разработке генетических вакцин, можно увидеть информацию об их обучении в американских или европейских университетах.

Бо Ин, основатель Abogen, защитил докторскую диссертацию в Северо-Восточном университете в Бостоне и имеет опыт работы в американских компаниях, включая Moderna Therapeutics. Ханвэнь Ли, генеральный директор Stemirna Therapeutics, до основания компании в Шанхае в 2016 году учился в США по исследовательским грантам Министерства обороны и получил докторскую степень по биологии рака в онкологическом центре М.Д. Андерсона Техасского университета (China International Human Vaccine Summit, Пекин, 18–19 марта 2021 г.). В марте 2021 года компания Stemirna начала клинические испытания своей вакцины Covid-19 на основе мРНК, созданной в сотрудничестве с Shanghai East Hospital и завершившей лицензирование в Лаосе в декабре 2022 года (*Caixin Global*, 10 декабря 2022 года). Основатели (в 2019 году) компании Shanghai RNACure прошли через такие престижные университеты, как Гарвард, Йель и Каролинский институт.

По имеющимся данным, число китайских студентов, обучающихся за рубежом по любым специальностям, выросло в среднем со 100 тысяч в 2008 году до 600 тысяч в 2017 году. 80 % из них в последние годы вернулись на родину. В 2017–2018 учебном году в американских университетах обучалось около 360 тысяч китайцев (Gryphon Scientific, "China's biotechnology development: the role of US and other foreign engagement", 14 февраля 2019 г.).

"Иностранные таланты" рассматриваются как ценный ресурс для американских и европейских научных исследований, но также и как ключ к их "разграблению". В технологической *большой игре* державы конкурируют за мозги.

Lotta comunista, июль – август 2023 г.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Хроники Шёлкового пути

Пекин, Шанхай и Гуанчжоу В НОВОМ КИТАЙСКОМ ОТКРЫТИИ

Приветствуя в Пекине американских должностных лиц, Дракон отправил смешанные сигналы группам интересов и политическим течениям, которые пересекают империализм. В июне с визитом Энтони Блинкена возобновился проходящий под знаком взаимного недоверия диалог на высоком уровне. Трудно сказать, обладают ли «противотечения, возникшие на стороне США», пишет *Global Times*. Следом в Китай отправилась Джанет Йеллен, чей макроэкономический прагматизм считается более «восприимчивым к голосам американского предпринимательского сообщества [...], которое является действительной частью американского общества». Тем временем Пекин объявил о новых мерах контроля за экспортом металлов галлия и германия, необходимых при производстве микрочипов; с их помощью Китай готов поставить под угрозу интересы Европы и Японии, если они присоединятся к американским шагам по технологическому отвержению. Это педагогический превентивный удар, который должен «заставить задуматься» как союзников США, так и делегации крупных американских, европейских и японских групп, вновь устремившихся в Китай после пандемии.

Наконец, в Пекине приняли Генри Киссинджера как почтенного пионера «китайской партии» в Америке и мирового авторитета в «концепции баланса сил». С точки зрения Сунь Чэнхао из Университета Цинхуа в Пекине, «в американских стратегических и академических кругах [есть] несколько рациональных голосов», которые следует учитывать, «чтобы оказать определённое влияние на правительство». По мнению Чжэн Юннана из Китайского университета Гонконга в Шэньчжэне, американская политика разделена по вопросу о Китае, но психологический климат антикитайских паники и злости подпитывает себя злостью в СМИ и электронных кампаниях.

Пекин тоже обращается к балансу

Чжэн не разделяет страх Киссинджера, коренящийся в европейском историческом опыте, что Соединённые Штаты и Китай скатятся в войну «через пять-десять лет, если продолжится нынешняя тенденция». Тем не менее он понимает предложение того, чтобы военное применение искусственного интеллекта легло в основу крупных стратегических переговоров двух новых сверхдержав, поскольку лишь экономическая почва впредь слишком зыбка, чтобы гарантировать «восстановление баланса» согласно киссинджерской концепции.

Цзинь Цаньжун, ректор школы международных отношений при Китайском народном университете в Пекине, считает нынешнее смягчение трений «техническим и тактическим, а не структурным и стратегическим». Целью Блинкена было воспрепятствовать «духовному упадку» отношений, но, со стратегической точки зрения, началась «игра века», поскольку США не могут принять китайское восхождение и «считают, что способны ему помешать».

Цзинь считает, что Китай ещё не ответил на «новую холодную войну», начатую США, и «в действительности не сильно увеличил военные расходы». Примечательно, что даже эта пекинская школа реализма разделяет с другими китайскими течениями внимание к остаточному «пространству для работы» с американской метрополией: от «несотрудничества» некоторых крупных групп с администрацией Байдена, «неэффективной» мобилизации Европы и до неприятия создания «блоков» на так называемом «глобальном Юге».

Вооружённый оптимизм Шанхая

Чжан Вэйвэй, старейшина китайской исключительности в шанхайском Университете Фудань, считает себя «всегда несколько больше оптимистом, чем господин Цзинь». Реакция Америки на Китай пройдёт путь от «отвержения» к «противостоянию», затем к «частичному принятию и готовности договариваться» и, наконец, к «принятию». Торговая война Дональда Трампа провалилась, технологическая война Джо Байдена также обречена на провал, США придётся договариваться; Штаты должны будут сесть за стол переговоров. Чжан считает, что США лишь «чищают пистолеты», но «может последовать и выстрел». Потому Китай должен сохранять адекватное военное сдерживание.

По словам бывшего редактора *Global Times* Ху Сицзиня, США «придётся смириться с возвышением Китая посредством «долгой игры». Пекин располагает богатым историческим опытом и политическими качествами, которыми не обладали другие развивающиеся державы, но так или иначе решающим будет «баланс сил». «Глобальная мощь» Штатов превосходит китайскую, но Пекин уже обеспечил себя потенциалом, достаточным для защиты собственных «основополагающих интересов» и для устрашения США в «ближних водах». Пекин не возьмёт на себя военную инициативу, «так как она была бы безуспешна», но может заставить Вашингтон осознать, что цена военных действий в Южно-Китайском море или Тайваньском проливе будет слишком высока. Следовательно, нужно «постепенно изменять общий баланс сил», ведь Китай – это ядерная держава, его конвенциональная военная сила продолжает расти, и потенциал развития Поднебесной превышает американский.

Гуанчжоу как «третья сила»

Чжан Вэйвэй отрицает, что Пекин должен проводить «политику баланса», но, по сути, описывает один из вариантов этой политики. По его мнению, в отличие от США, фактических наследников британской политики разделяя и властвуя, Китай проводит свою державную политику, «поощряя единство». После второй мировой войны Штаты поддерживали Европу разделённой, пользуясь противостоянием с СССР, влезали в трещины на Среднем Востоке и вели свою игру в Азии, Китай, наоборот, поддерживает «европейскую интеграцию», сближает Иран и Саудовскую Аравию и «впервые в современной истории» предлагает себя Европе как посредника между Россией и Украиной.

Чжан не скрывает, что у Дракона есть когти, и считает, что Китай держит первенство «в сверхзвуковых ракетах, стелс-истребителях, крупных эсминцах, противоздушных вооружениях и ракетах средней дальности». Однако политическим оружием являются и «созидательные способности», которые китайская дипломатия может использовать, «теоретически везде», где США сеют «раздоры», сопротивляясь собственному относительному упадку, в новом противостоянии за влияние на Европу, Азию и восходящие державы.

Наконец, Чжэн Юннана также видит пространство для переговоров с США в развитии «третьих сил»: «ЕС пытается добиться определённой стратегической автономии, а АСЕАН продемонстрировал, что не хочет занимать позицию». Чжэн считает, что Китай «может стать опорой для тех, кто в мире предпочитает оставаться «третьей силой»¹ – формула, которая ловко оставляет в тени восхождение Дракона до статуса «второй» державы.

Подтверждение империалистической политики «открытых дверей»

Обзор СМИ и источников Северного Китая, школ мысли Шанхая и журналов Большого залива Гуандуна подтверждает, что линия империалистического открытия Китая является одной из преобладающих. Ключевые зоны Дракона обращаются к крупным группам других метрополий, чтобы обусловить политические реакции их государств. Они дозируют открытость китайского рынка и требования «открытых дверей» на мировых рынках, хотя и ставят различные акценты в отношении степени автономного действия, внимания к политическому централизму и общим стратегическим отношениям. Между тем Пекин намекает и на более жёсткие меры в отношении редких металлов.

Три старейшины из Пекина, Шанхая и Гуанчжоу в своих текстах регулярно обращают внимание на крупные американские группы, Европу и «глобальный Юг». Но в отношении степени самостоятельности, которой может достичь Европа, есть и своего рода ожидание, если не сказать разочарованный реализм. Об этом напоминает Чжан, сравнивая многовековую британскую политику поддержки «более слабых» держав против гегемонистских попыток Испании, Франции и Германии с XVI по XX век с исторической поддержкой Китаем европейского процесса, призванной уравновесить «гегемонию» Соединённых Штатов.

На данный момент гипотеза о том, что Токио присоединится к Европе в деле перековки американских толчков в «настоящий мультилатерализм», похоже, больше не упоминается в дебатах. В китайской прессе не запущена серьёзная кампания против японского перевооружения, а *Global Times* по-прежнему очень внимательно к «рациональным голосам», которые могут «помочь Японии протрезветь». По словам Лю Цзяньюна, вице-ректора возглавляемого Янь Сюэтуном Института современных международных отношений в Университете Цинхуа, «поворот» в политике безопасности Токио серьёзно навредил отношениям с Пекином, однако «экономическое

сотрудничество с некоторыми европейскими странами в рамках Шёлкового пути» может снова «заставить Японию задуматься». Лу Яодун из Академии общественных наук даже усматривает в перевооружении Токио рычаг относительной автономии от США. Гуо Сяобин из CICIR считает, что больше нельзя исключать возможность обретения Японией ядерного оружия.

Новые сферы влияния

Что касается борьбы за «глобальный Юг», *Global Times* отмечает, как «длинна очередь» на вступление в ШОС и БРИКС – организации с преобладающим китайским влиянием. Иран становится полноправным членом ШОС, а Саудовская Аравия обсуждает возможность стать акционером Нового банка развития БРИКС, штаб-квартира которого располагается в Шанхае. Наконец, подали запрос или проявили интерес к вступлению в БРИКС три десятка «развивающихся» стран Латинской Америки, Африки и Азии.

Пекин, Шанхай и Гуанчжоу – три головы прибрежных суперпровинций Китая, открытых к миру и вооружённых тремя авианосцами, – разыгрывают множество карт.

Июль – август 2023 г.

1 – Государство, отказывающееся от выбора в пользу одного из двух противостоящих лагерей.

Арриго Черветто УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Промышленное перевооружение Токио в войне чипов

С точки зрения Акихиро Окады из крупнейшей японской газеты с тиражом порядка 10 млн копий «Ёмиури Симбун», «многие страны вступают в эру дипломатической войны за полупроводники». В этом противостоянии в 1980-е гг. Япония и США оказались по разные стороны баррикад. Как считают Окада и Сатоси Нохара, ныне ответственный за стратегию в сфере полупроводников в Министерстве экономики, торговли и промышленности (МЕТІ), Токио «неправильно понял начало противостояния» с Вашингтоном, оценивая его как «расширение прежних торговых споров» во круг текстильного и автомобильного секторов. В США, наоборот, падение производительности в отрасли полупроводников сочли «угрозой национальной безопасности». В качестве ответа, утверждает Нохара, Вашингтон перенял японскую промышленную политику, проводимую Министерством промышленности и международной торговли (МІТІ, *цусё-сангё-сё*), в 2001 г. реформированным в МЕТІ, хотя и критиковал её как нечестную.

Окада и Нохара согласны в том, что Вашингтон «обхитрил» Токио, сумев с 1986-го по 1996 г. навязать два соглашения, содержавшие статьи о доступе к японскому рынку для иностранных производителей и о возможности фиксации цен – это способствовало скорому снижению доли Японии на рынке полупроводников, сократившейся с 50 до нынешних 9–10 %. С точки зрения Нохары, если соглашение о полупроводниках и не было «единственным фактором упадка японских предприятий, то оно стало началом их падения».

«Враг моего врага»

Окада вспоминает акт уравнивания, проведённый группами Кремниевой долины и одобренный Вашингтоном, о нём же рассказывает Крис Миллер в книге «*Chip War*» (2022): это было открытие «второго фронта» против Японии. Смысл операции состоял в поддержке «усилий Южной Кореи по производству дешёвых чипов», в том числе за счёт низких заработных плат, чтобы «подорвать стратегию японских групп продавать по низкой цене» благодаря государственными субсидиями. «Простая логика» – «враг моего врага – мой друг» – позволила Вашингтону сконцентрироваться на продуктах с высокой добавленной стоимостью и победить в международной конкуренции, а Южной Корее, Тайваню, а теперь и Китаю – утвердиться в качестве крупных мировых производителей. По мнению Окады, Токио «был наивен» и в результате не разработал «комплексную национальную стратегию» в сфере полупроводников, в отличие от Штатов, из-за чего «потерял 25 лет».

В своём исследовании Миллер подтверждает, что Кремниевая долина и круги «военно-промышленного комплекса» ощущали угрозу. Была запущена крупная лоббистская кампания против промышленной политики и субсидий японского государства и основного инструмента их разработки и реализации – МІТІ, главного архитектора «экономического чуда» 1949–1980 гг. Но поражение Токио в «войне чипов», подчёркивает Миллер, было обусловлено также банковским кризисом, либерализацией торговли иенами, замедлени-

ем демографического роста и, наконец, вторжением китайского гиганта.

Сегодня, пишет Миллер, у групп Кремниевой долины читается «в глазах страх» перед перспективой Китая, который в силу своей величины способен скопировать японскую модель производства полупроводников и «изменить мировые торговые потоки», стать «и крупнейшим конкурентом, и крупнейшим клиентом» технологических групп США. Последние отмечают как американскую, так и китайскую зависимость от «экосистемы полупроводников», глобализированной и «смещённой в Азию», учитывая крупную концентрацию там цепочек поставок и сильно взаимозависимых рынков. Американские группы будут готовы пойти на умиротворение Пекина, если он ограничит собственные амбиции «выкроить себе часть этой экосистемы», но будут враждебны к Поднебесной, если она захочет выйти из неё или создать китаеццентричную систему.

Если не случится «катастрофических событий» вроде «крупного военного конфликта» в Азии, Миллер исключает возможность технологического декаплинга. Он напоминает, что индустрия полупроводников была первой, воспользовавшейся азиатским бассейном рабочей силы с его изобилием крестьян: они не располагали профсоюзной силой и были «готовы поменять работу в рисовых полях на место на фабрике за один доллар в день». В мире ещё много крестьян, которых можно нанять на различные производства сектора *хай-тек*, но поуповину между Кремниевой долиной и азиатским бассейном обрезать будет трудно, учитывая колоссальные объёмы инвестиций. Эта материальная связь имеет политико-стратегическое измерение; как и в случае Тайваня, она также является продуктом высокой специализации производства. С конца войны во Вьетнаме в экономике азиатских держав направился «американский физический капитал» как дополнительная «гарантия безопасности» от политических колебаний Вашингтона. Это является косвенным предупреждением о стратегических последствиях поиска декаплинга.

«Рис промышленности»

Как пишет *Financial Times*, ссылаясь на мнение функционеров администрации Байдена, доктрина технологического отвержения Китая, продвигаемая Вашингтоном, нацелена не только на отказ от передовых продуктов. Помня о японском прецеденте, Штаты намерены открыть второй или даже третий фронт против Пекина, культивируя конкурентов в производстве с малой и средней добавленной стоимостью – например, в таких странах, как Вьетнам, куда Южная Корея переместила всё своё производство смартфонов, или Индия. Наконец, Вашингтон хочет воспользоваться и прежними врагами, в первую очередь Японией.

Окада обращает внимание, что «жесточкая война чипов, которую США ведут против Китая», предоставляет Токио возможность возродить отечественное производство полупроводников, если «оседлать волну геополитических изменений». Эта линия основывается на двух элементах: во-первых, на менее асимметричных в сравнении с 1980 гг. военных отношениях с Вашингтоном;

во-вторых, на «ящике инструментов» промышленной политики МЕТІ, которую премьер Фумио Кисида целиком поддержал и интегрирует в японский аналог немецкой *Zeitenwende*. В отличие от провалившихся попыток промышленной реструктуризации конца 1990-х – 2000-х гг., которые, с точки зрения «Ёмиури», породили «коалиции проигравших», сегодня национальные и стратегические интересы Токио и Вашингтона совпадают: США работают с Японией, чтобы сдерживать «общего китайского соперника».

Директор отдела Азии в Институте Монтеня Матьё Дюшатель отмечает: согласно тексту стратегии МЕТІ по полупроводникам, представленной в июне 2021 года, чипы – это «рис промышленности», они «необходимы и незаменимы для всех индустрий». По мнению Дюшателя, выражение «рис промышленности» (*сангё ё май*) совмещает «выживаемость и гордость страны»: все нуждаются в рисе, чтобы выживать, но по качеству именно японский рис – один из лучших в мире. Японская точка зрения основывается на рисках, которые геополитическое соперничество создаёт для доступа к «жизненно важным элементам» национальной экономики. Япония, считает Дюшатель, идёт западным путём, однако в отличие от ЕС, который фокусируется на «стратегической автономии», в видении Токио акцент ставится на «относительной силе Японии в международной экономике» и необходимости обеспечить себя средствами для «противостояния геополитическим ударным волнам».

Можно заметить, как в рамках своего экономического перевооружения Токио выкладывает из кармана примерно 40 млрд долл. на разработку ракетного «контратакующего потенциала». Как пишет *Financial Times*, Япония накопила определённое преимущество перед США и ЕС, начав в 2021 г. с помощью субсидий культивировать возведение на своей территории американскими и тайваньскими группами – в синергии с крупными отечественными группами – предприятий по разработке и производству полупроводников. Вероятно, внесут свой вклад и обновлённые отношения с Сеулом.

Немецкие корни «генерального штаба экономики»

В своём тексте по истории МІТІ американец Чалмерс Джонсон находит корни ведомства в начале 1920-х гг.: Министерство торговли и промышленности (МСІ), подразделение Министерства сельского хозяйства, располагало функцией представительства интересов промышленников. Функционерами МСІ были в основном выпускники *Тодай*, имперского университета Токио, где преобладало немецкое юридическое образование. Формулы и инструменты японского дирижизма были основаны на опыте Веймарской республики – впоследствии он будет перенят и нацистским режимом, – а также на первых пятилетках СССР и «Новом курсе» США.

Экспериментальным полигоном стало индустриальное развитие Маньчжурии с 1931 г. Здесь в поисках «генерального штаба экономики», способного рационализировать индустриальное развитие, благоволя тяжёлой промышленности, технократы дали зелёный свет союзу интересов с армией. С точ-

ки зрения «консервативных модернистов» МСІ, среди которых значился Нобусукэ Киси, дед Синдзо Абэ, маньчжурское развитие должно было быть функциональным для рационализации японской экономики, а также служить мотором и моделью развития континентального Китая (Johnson C., «*MITI and the Japanese Miracle*», 1982; Mimura J., «*Planning for Empire*», 2011).

Сумма нестабильности и экономического кризиса десятилетия 1920–1930 гг., война в Китае и, наконец, вступление во вторую мировую войну определили формулы и инструменты того, что Джонсон называет японским «государством развития» и азиатской моделью, которые поддержат экономическое восстановление Токио после 1945 г. Как ни парадоксально, произойдёт это в том числе благодаря серии американских политических мер, которые позволили сохранить «институциональную преемственность» государственной технократии Токио.

Азиатистский национализм МІТІ

Смысл вот в чём: уменьшая вес вооружённых сил и пытаясь ликвидировать старые *дайбацу*, которые считались опорой довоенного милитаризма, Вашингтон таким образом устранял соперников и противовесы технократам МІТІ, образованного в 1949 г. Последние установили новый консенсус с Министерством финансов, ЦБ и крупными индустриальными группами вокруг «национальной мобилизации» ради послевоенной реконструкции. На американскую позицию оказывали влияние, во-первых, стратегические соображения, сформировавшиеся в 1949–1950 гг., когда победа маоистов в Китае и начало войны в Корее потребовали заручиться поддержкой японской бюрократии; во-вторых, лоббирование со стороны американских финансовых групп, заинтересованных в экономическом восстановлении Токио (Dower J. W., «*Embracing Defeat*», 1999).

С точки зрения Джонсона, МІТІ, расцениваемое как сильно «националистическое и протекционистское», всегда проявляло азиатистские позиции, было сторонником регионализма, который включал бы и Китай. Свою линию министерство проводило, используя в том числе связи с Пекином через «антикоммунистические силы», настроенные на сотрудничество с Китаем, а именно соцпартию и компартию Японии («*Japan–China Relations in the Modern Era*», 2017).

Традиционная китайская формула «нанесения поражения ближним варварам с помощью дальних варваров»¹ является частью и японской традиции. В так называемом новом *вашингтонском консенсусе*, сформулированном советником президента США по национальной безопасности Джейком Салливаном, присутствует одобрение политики, которую в 1980–1990 гг. Соединённые Штаты подорвали, используя в том числе китайскую связь. Так что можно говорить не столько о сближении США и Японии, сколько о наложении интересов – и совсем не без оговорок.

Lotta comunista, июль – август 2023 г.

1 – Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2014. С. 87.

Мировое сражение в энергетике

Энергетический переход: победители и проигравшие

Доиндустриальные общества опирались исключительно на мышечную силу людей и животных и энергию, вырабатываемую при помощи биомассы, ветра и воды. С развитием индустриализации, начавшейся с использования паровой, а затем и тепловой машины, общество впало в зависимость от полезных ископаемых.

Энергетическая уязвимость

После начала Арабо-израильской войны в октябре 1973 г. мировой кризис дефицита нефти поставил промышленные державы перед фактом сильной зависимости их экономик от нефти, цена на которую с октября 1973 по март 1974 г. выросла в 4 раза. Особенно сильно пострадала Европа, так как 63 % её потребности в энергии покрывалось за счёт импорта. Вскоре, в 1979–1980 гг., в связи с иранским кризисом произошёл новый рост цен на нефть. Сегодняшний энергетический кризис, вызванный войной на Украине, представляет собой похожую ситуацию, хотя и возникшую в другом географическом регионе. В 2021 г., спустя почти полвека после нефтяного кризиса, ЕС по-прежнему импортирует 56 % потребляемой им энергии (Eurostat).

После начала войны Международное энергетическое агентство (МЭА) писало, что «первый по-настоящему глобальный энергетический кризис, вызванный вторжением России на Украину, привёл к беспрецедентному импульсу развития возобновляемых источников энергии» (IEA, «Renewables 2022: Analysis and Forecast to 2027»).

Технологии, солнце и ветер

С тех пор, как капитализм создал мировой рынок, энергетическая независимость превратилась в чистую иллюзию: снижение зависимости от ископаемого топлива порождает другие виды зависимостей – от стран, производящих сырьё для развития возобновляемых источников энергии (литий, кобальт, никель, редкоземельные элементы и т. д.), или от регионов, богатых возобновляемой энергией (солнечный свет пустынь Сахара и Гоби, ветры Северного моря, пустынь или Великих равнин США). Если зависимость от ископаемого топлива со Среднего Востока или из России будет снижаться, то зависимость от кобаль-

ИНВЕСТИЦИИ 2017–2022 ГГ. ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР

	12.007	100 %
Всего	12.007	100 %
Ископаемое топливо	5.010	39
Возобновляемые источники энергии	2.414	19
Энергоэффективность	2.397	18
Сеть и хранилище	1.885	14
Электромобили	212	2
Другие	989	8

Накопленные инвестиции в миллиардах долларов.

Источник: наша обработка данных МЭА.

	ВВП			ВЫБРОСЫ CO ₂			CO ₂ к ВВП		
	2000	2021	Разница %	2000	2021	Разница %	2000	2021	Разница %
Мир	48.940	86.920	+78	23.641	33.884	+43	0,48	0,39	-19
США	13.870	21.000	+51	5.741	4.701	-18	0,41	0,22	-46
Китай	2.810	15.660	+457	3.328	10.523	+216	1,18	0,67	-43
Германия	2.810	3.670	+31	854	629	-26	0,30	0,17	-43

Миллиарды долларов в постоянных ценах 2015 г.

Миллионы тонн

Миллионы тонн CO₂ к 1 млрд долл. ВВП

	ПЕРВИЧНАЯ ЭНЕРГИЯ			ЭФФЕКТИВНОСТЬ			ВЫБРОСЫ		
	2000	2021	Разница %	2000	2021	Разница %	2000	2021	Разница %
Мир	396.9	596.2	+50	123	126	+19	60	57	-5
США	95.6	93.0	-3	145	226	+56	60	51	-15
Китай	42.5	157.6	+271	66	99	+50	78	67	-14
Германия	14.4	12.6	-13	195	291	+49	59	50	-15

Потребление в эксаджоулях (1 эксаджоуль = 0,28 миллиона гигаваатт-часов)

Млрд долл. ВВП / эксаджоуль

Тонн CO₂ / эксаджоуль

Источник: наша обработка данных МЭА, Всемирного банка и ВР.

та (из Африки), лития (из Латинской Америки), никеля (из Индонезии) будет возрастать. На неопределённость, связанную с поставками энергоносителей, страны реагируют качественной и географической диверсификацией, а также повышением энергоэффективности, т. е. снижением энергопотребления на единицу ВВП. Возобновляемая энергетика способствует диверсификации источников энергии, а электрификация и цифровизация – повышению энергоэффективности.

В этой статье мы сосредоточимся только на возобновляемых источниках энергии, обеспечивающих прерывистую генерацию, – фотоэлектрической солнечной энергии и энергии ветра. Гидроэнергетика и энергия биомассы – древние формы производства электроэнергии, которые требуют отдельного разговора. Если ещё несколько лет назад сектор возобновляемых источников энергии, обеспечивающих прерывистую генерацию, был маргинальным, то сейчас он переживает бурный рост, и происходит это главным образом благодаря технологическим инновациям, которые снизили затраты производства (IEA, «Energy Technology Perspective 2023»).

По данным Международного агентства по возобновляемой энергетике (IRENA), за последнее десятилетие стоимость производства электроэнергии с помощью фотоэлектрических установок снизилась на 82 %. За этот же период затраты снизились на 39 % для наземных ветряных электростанций и на 29 % для морских. Для использования в промышленных и бытовых целях солнечная и ветровая энергия должны быть преобразованы в электроэнергию, которая затем передается по сетям от места выработки электроэнергии к месту её использования. В области электросетевых технологий были достигнуты огромные успехи, и в 2021 г. доля возобновляемых источников энергии, обеспечивающих прерывистую генерацию, в мировом производстве электроэнергии достигла 10,2 %, в том числе 12,5 % в США, 19 % в странах ЕС и 28,5 % в Германии.

По данным МЭА («Net Zero 2050 Report»), доля электроэнергии в конечном потреблении энергии увеличилась с

16 % в 2005 г. до 20 % в 2021 г., при этом в 2030 г. она должна составить 27 %, а в 2050 г. – 50 %.

Эффективность, электрификация и цифровизация

Возобновляемые источники энергии являются лишь одним из компонентов энергетического перехода, но такую же фундаментальную роль играют и другие элементы.

«Энергоэффективность называют «первым топливом» при переходе к чистой энергетике», – пишет МЭА. Цели повышения энергетической эффективности экономики, т. е. ВВП на единицу потреблённой энергии, служат электрификация и цифровизация. Это наиболее подходящий показатель для выражения энергетической эффективности страны. В таблицах мы рассчитали некоторые показатели энергоэффективности, иллюстрирующие происходящие преобразования. Эксаджоуль (ЭДж) – это единица измерения энергии, соответствующая одному триллиону джоулей, что эквивалентно 277,78 тераватт-часам (ТВт·ч). Мы использовали эксаджоуль, потому что эта единица измерения фигурирует в статистике ВР, на которую мы ссылаемся. Во всём мире в 2021 г. на каждый потреблённый эксаджоуль энергии было произведено товаров на 146 млрд. долл. (+18 % по сравнению с 2000 г.): в США – 226 млрд. долл. (+53 %), в Германии – 299 млрд. долл. (+48 %), в Китае – 99 млрд. долл. (+50 %). Повышение энергоэффективности снижает выбросы CO₂ на единицу ВВП. В период 2000–2021 гг. динамика была следующей: -19 % в мире, -46 % в США, -43 % в Германии и -43 % в Китае.

В настоящее время основным видом энергии, используемым для удовлетворения конечных потребностей, является тепловая энергия, возникающая в результате сгорания, то есть окисления углерода (С) кислородом (О), при котором образуется CO₂. Введение ограничений на выбросы CO₂ означает принуждение экономик к разработке технологий, позволяющих повысить энергоэффективность. В странах, не входящих в ОЭСР (Индия, Китай и «развивающиеся» страны), которые потребляют 2/3 мировой первичной энергии, на ископаемое топливо приходится 85 % энергопотре-

бления, в то время как на фотоэлектрическую энергию и энергию ветра – 5 %. В этих странах до сих пор очень значительны возможности повышения КПД тепловых двигателей для снижения выбросов. Например, угольные или газовые электростанции, работающие на сверхкритических параметрах пара с КПД, близким к 50 %, сокращают выбросы CO₂ примерно на 30 % при том же количестве произведённой электроэнергии по сравнению с электростанциями предыдущего поколения. Возможно, объявлять о смерти ископаемого топлива преждевременно: на саммите Большой Семёрки в 2022 г. участники договорились ускорить внедрение солнечной и ветровой энергетике, но конкретной цели по закрытию угольных электростанций поставлено не было.

Как видно из таблиц, в период с 2017 по 2022 г., т. е. за последние 5 лет, инвестиции в энергоэффективность и модернизацию электросетей составили 4,282 трлн долл., что на 77 % больше объёма инвестиций в солнечную и ветровую энергетику.

Электроэнергия является основным способом использования возобновляемых источников, который может быть полностью задействован при условии развития «умных» сетей, т. е. применении цифровых технологий в электросетях. Энергетический переход можно рассматривать как цифро-электрический переход. В мировом масштабе инвестиции в цифровизацию достигли 18 % от общего объёма инвестиций в электросети.

Мы живём в глобальной капиталистической системе: технологии являются функцией борьбы между крупными финансово-промышленными группами и между государствами, которые их представляют. Электрификация и цифровизация – это поле битвы в глобальной экономической войне между наступающими электрическими и ИТ-компаниями и обороняющимися нефтяными и угольными компаниями. В столкновении этих промышленных гигантов на своё место смогут претендовать и автомобильные компании, но лишь в той мере, в какой они смогут электрифицировать свои автомобили.

Крупные группы США в 2022 году

В глобальном противостоянии за капиталы стремится к промышленному возрождению

В 2022 г. выручка первой сотни крупных американских групп выросла на 12,4 %. Это устойчивый уровень, но необходимо также учитывать величину инфляции. Товарооборот вырос выше среднего в таких секторах, как производство продуктов питания, автомобилей, воздушного транспорта и энергетика. За исключением последней эти отрасли в прошлом году, напротив, восстанавливались медленнее всех. Рост сектора информационных технологий и Интернета замедляется, но в абсолютном выражении совокупный товарооборот компаний так называемой big tech уступает лишь обороту крупного ритейла.

По сравнению с 2021 г. прибыль упала почти на 20 %, но эти цифры не должны вводить в заблуждение. По абсолютной величине она остаётся на 50 % выше той, которую крупным группам ежегодно удавалось получать в течение пятилетки, предшествовавшей пандемии. В условиях экономической неопределённости компании решили направить часть этого урожая на операции в пользу акционеров, то есть на выплату дивидендов и покупку собственных акций (buy back).

В 2022 г. на США пришлось три четверти мирового объёма buy back, а также половина дивидендов, распределённых в I квартале прошлого года. Из 20 ведущих мировых компаний 9 являются американскими (Apple, Microsoft, Exxon-Mobil, Ford, PepsiCo, Johnson & Johnson, Verizon, JPMorgan Chase и Chevron). Занятость в 100 ведущих американских группах в прошлом году оставалась стабильной.

Экономический спад и протекционизм

Всё это следует рассматривать в общем контексте империалистического столкновения. Пандемия вызвала кризис в глобальных цепочках поставок, выявила дисбалансы и создала условия для того, чтобы страны с наиболее развитой экономикой начали отдавать приоритет обеспечению своей устойчивости. Возникшая в результате фрагментация рынка породила инфляцию, на которую центральные банки отреагировали повышением процентных ставок. Долгий период дешёвых денег заканчивается, фиктивная стоимость акций падает, общая динамика рынка замедляется.

По последним оценкам МВФ, рост ВВП в этом году составит 2,8 % и останется примерно на этом же уровне и в 2024 г. Рост экономики США замедлится до +1,6 % ВВП, что всё равно вдвое больше, чем рост в зоне евро (+0,8 %). Главный экономист фонда Пьера-Оливье Гуриша затрудняется сказать, удастся ли США избежать рецессии. Wall Street Journal пишет, что по этому вопросу американские экономисты разделились ровно пополам.

Газета подчёркивает благоприятную конъюнктуру: компании продолжают нанимать сотрудников, фондовый рынок восстанавливается, а потребители по-прежнему имеют 500 млрд долл. сбережений, которые можно потратить (это часть выплат, распределённых во время пандемии, то есть государственный долг). Количество пассажиров, пользующихся самолётами, достигло уровня 2019 г.: «Путешествия вернулись!» – с оптимизмом говорят руководители American Airlines.

Мировое восстановление пока довольно шаткое, но у США есть важные карты, которые они могут выложить на стол. Во-первых, у них более низкие

цены на энергоносители, чем в других «развитых» странах; во-вторых, благодаря своей новой промышленной политике, привлекающей финансирование с помощью Закона о снижении инфляции (IRA) и Закона о чипах и науке, они становятся магнитом для капитала.

В США реализуется 75 проектов на сумму 400 млрд долл., связанных с производством электромобилей, аккумуляторов, солнечных батарей и полупроводников, причём на последние приходится половина всего объёма. Треть этих инициатив осуществляется иностранными группами, в частности южнокорейскими, тайваньскими и японскими.

Реакция европейских конкурентов пока неясна. The Economist (29.10.2022) пишет, что байденомика – это «протекционизм, ядовитая пилюля для бизнеса», политика, «которая одинаково вредит друзьям и врагам, подрывает альянсы, побуждая других реагировать тем же». Le Figaro (17.11.2022) соглашается, но добавляет, что Европа «с войной на Украине не находится в позиции силы, и она не может играть в хвостовство».

Автомобили, аккумуляторы и первые соглашения

Возрождение промышленности на американской земле подпитывается 85 млрд долл. инвестиций в аккумуляторные заводы, которые к 2026 г. должны увеличить объёмы производства в пять раз по сравнению с текущими. Исходя из этих планов, ведутся переговоры с правительством о политической интерпретации финансирования, предоставляемого согласно IRA. Они также касаются и вопросов использования местного сырья. Многие инициативы в США возглавляют корейские группы, которые закупают индонезийский никель, переработанный китайскими компаниями. В то же время Tesla и Ford сосредоточатся на технологии литий-железо-фосфатного аккумулятора (LFP), запатентованной китайской CATL.

В 2022 г. в США было продано 13,7 млн автомобилей, из них только 5,8 % – электрические, 2/3 – марки Tesla. Ford занимает второе место с почти 7,6 % (61 тыс.) рынка электромобилей. Его руководство подсчитало, что за двухлетний период 2022–2023 гг. это подразделение, получившее название Model, потеряет 5 млрд долл., операционная прибыль ожидается лишь в 2026 г. Ford заключил соглашения с американскими производителями лития, чтобы его будущие клиенты могли получить финансирование, и планирует сократить инвестиции в Китай, где его рынок сократился до 500 тыс. автомобилей. Тут сохраняется позиция «наблюдения» за электрическими новинками.

В Китае General Motors, хотя и находится в затруднительном положении, имеет рынок в 2,3 млн автомобилей. Во время недавней поездки туда генеральный директор Мэри Барра объявила о 15 новых электрических моделях. Но сначала GM сосредоточится на рынке США и Chevrolet Equinox – электромобиле за 30 тыс. долл. (вдвое ниже текущих цен). Идея состоит в том, чтобы оценить потенциальный рынок для второго семейного автомобиля.

Tesla откроет новый завод в Мексике за счёт средств IRA. На сомнения аналитиков, предполагающих, что предложение станет избыточным, группа отвечает, что себестоимость одного из её автомобилей сократилась с 84 тыс. долл. в 2017 г.

до 36 тыс. долл. сегодня. Операционная прибыль Tesla составляет 11,4 % по сравнению с 6,6 % у GM и 4 % у Ford. С последней Tesla заключила соглашение об открытии для неё 12 тыс. станций быстрой зарядки. Таким образом, компания Илона Маска уберёт двух зайцев: электромобили GM и Ford примут её стандарт зарядки, а она получит государственное финансирование для вклада в расширение сети.

Ракеты, бомбардировщики и Луна

Последний Jumbo B-747 покинул завод в Эверетте в декабре прошлого года; за 50 лет было выпущено 1.574 экземпляра этого гигантского самолёта. В середине 1990-х гг. только эта модель перевозила 28 % пассажиров в мире: она является для Boeing предметом гордости. После 2 лет страданий авиакомпании снова начали делать заказы: United Airlines заказала 100 широкофюзеляжных самолётов B-787 Dreamliner.

Boeing не может произвести их в достаточном количестве из-за отсутствия двигателей. General Electric страдает от нехватки компонентов, например, отливки Precision Castparts, которая в начале пандемии уволила 40 % специализированного и возрастного персонала, а заменить их не смогла. Даже P&W компании Raytheon подтверждает, что нехватка двигателей вызвана нехваткой рабочей силы. И здесь встаёт проблема реиндустриализации США.

Boeing необходимо привести в порядок своё оборонное подразделение, в прошлом году ставшее источником убытков в размере 3,5 млрд долл. из-за задержки программ производства заправщиков и учебно-тренировочного самолёта T-7A. Пентагон поручил Lockheed Martin удвоить производство авиационных и артиллерийских ракет, а Raytheon приступила к разработке прототипов гиперзвуковых ракет. В декабре Northrop Grumman представила новый бомбардировщик B-21, 100 единиц которого можно было заказать по цене 700 млн. долл. за штуку. Все эти группы участвуют и в новой программе высадки человека на Луну Artemis, в которую НАСА инвестирует 10 млрд. долл. в год.

Увольнения и искусственный интеллект

В прошлом году мировые продажи персональных компьютеров упали на 16 %, и это сказалось на результатах Hewlett Packard и Dell Technologies: обе группы решили уволить по 6 тыс. сотрудников. Эти сокращения рабочей силы добавились к тем, что осуществили компании big tech Amazon, Meta, Google и Microsoft.

The Economist подсчитал, что всего с начала 2022-го по весну 2023 г. в технологическом секторе было объявлено о 258 тыс. увольнений – это 6 % от общего числа сотрудников сектора. За трёхлетний период с 2000 по 2003 г., когда лопнул пузырь доткомов, было потеряно 685 тыс. рабочих мест, что составило 26 % от числа занятых в то время.

Крупные технологические группы собирали свой урожай и во время пандемии. В итоге три гиганта облачных вычислений (Amazon, Microsoft и Google) использовали часть своих доходов, инвестируя в прошлом году 120 млрд долл. в дата-центры. Таким образом, они, конкурируя друг с другом, были вынуждены прибегнуть к использованию генеративного искусственного интеллекта, в кото-

ром нуждаются эти центры. За последние 3 года Microsoft инвестировала 13 млрд долл. в создателя ChatGPT OpenAI.

Поисковая система Google получает 100 тыс. запросов каждую секунду и является движущей силой рекламы, собираемой группой, что позволило ей за десятилетие накопить 300 млрд долл. операционной прибыли. На часть этого пирога уже претендует Microsoft, перезапускающая Bing – механизм, связанный с генеративным искусственным интеллектом.

Apple постепенно пытается переменить часть сборки iPhone в Индию, а пока поручает сборку своих новых очков дополненной реальности Vision Pro китайской группе Luxshare: чрезвычайно дорогая технологическая новинка, заходящая на территорию виртуальной реальности, которая пока принесла Meta только большие потери.

Самая серьёзная ошибка Intel заключается в том, что она не приняла технологию литографии EUV, предложенную 10 лет назад голландской ASML и взятую на вооружение тайваньской TSMC. Сегодня, отмечает главный технический директор Intel, компания откатилась с места лидера, опережавшего всех на одно поколение, в разряд отстающих. Сейчас её цель состоит в том, чтобы добиться успеха в качестве поставщика продукции для третьей стороны – изготовителей микросхем. В 2022 г. из-за задержек с её стороны потерпели неудачу две попытки договориться с Tesla и Qualcomm, и деятельность, связанная с изготовлением микросхем, по-прежнему обеспечивает Intel лишь 2 % её доходов.

Нефтяники: buy back и немного экологии

За последнее десятилетие активная разработка сланцевого газа привела к тому, что его добыча в США подскочила на 60 %, и они стали мировым лидером в этом секторе; война на Украине и связанное с ней увеличение спроса на европейском рынке позволили им выйти на первое место в качестве экспортёра сжиженного природного газа (СПГ). Эта конъюнктура, наряду с постпандемическим восстановлением, помогла наполнить казну ExxonMobil и Chevron. В совокупности эти две группы получили прибыль более 90 млрд долл., что намного превышает предыдущий рекорд, установленный в 2012 г.

С лета прошлого года администрация Байдена просит нефтяные компании реинвестировать прибыль в производство топлива, чтобы снизить инфляцию. Два гиганта ответили тем, что предложили компромисс. В 2023 г. они запланировали небольшое увеличение производства, примерно на 2–3 %, но также массовое обращение к операциям buy back. ExxonMobil предусматривает план buy back на 50 млрд долл. и инвестиции в размере 23 млрд долл. Последние будут вложены в производство сланцевой нефти, СПГ и бразильской морской нефти, но 15 % будут направлены на экологические программы, связанные с исследованием процессов улавливания и хранения CO₂, биотоплива, водорода и литиевых рудников в Арканзасе.

Покупки Pfizer и Merck, отсутствие дженериков

Из-за сокращения заказов на вакцины доходы Pfizer в этом году могут

Китай близко

В конце июня руководство Французской демократической конфедерации труда (ФДКТ), первого профсоюза Франции, покинул Лоран Берже. Незадолго до этого сменился и генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда (ВКТ), второго профсоюза. Эти два события объединяет смена поколений и приход нового поколения сорокалетних, а также тот факт, что два новых руководителя – женщины. Однако каждый случай нужно рассматривать отдельно. Понимание динамики крупных европейских профсоюзов полезно для укрепления организации трудящихся на континенте.

Смена поколений

Начнём с ФДКТ – профсоюза с христианской матрицей, история которого прошла через миф 1968 г. о самоуправлении во Франции, а в следующем цикле повернула к участию в управлении. Это путь, который в Италии можно частично сравнить с тем, что прошли некоторые промышленные категории итальянской конфедерации профсоюзов трудящихся (ИКПТ).

Берже занимал пост секретаря с ноября 2012 г., а в прошлом году его считали движущей силой профсоюзной борьбы против пенсионной реформы, направленной на увеличение пенсионного возраста с 62 до 64 лет: тогда реформа была одобрена, несмотря на 14-дневную мобилизацию рабочих.

Берже захотел оставить «завещание» и в мае этого года опубликовал книгу *«Du mépris à la colère»* («От презрения к гневу»), представленную как «очерк трудовой Франции». В названии уже содержится резюме основных рассуждений: «презрение», с которым правительство относилось к работникам, заставляя их работать дольше сразу после неудобств, вызванных пандемией, вызвало «гнев».

Линию Берже и ФДКТ можно обобщённо охарактеризовать двумя концепциями. Одной из них является явная ссылка на социальную рыночную экономику. Берже пишет: «Я не антикапиталист, я за ответственную и регулируемую рыночную экономику. Я глубоко европеец и защищаю социальную рыночную экономику. [...] Капитал и труд: к этим двум составным частям следует относиться одинаково [...] в регулируемых рамках». Такая позиция традиционна для этого союза, родившегося на Рейне: его материнская организация – Французская конфедерация работников-христиан (CFDT) была образована в 1919 г. в результате слияния синдикалистских организаций с французской католической матрицей и профсоюзов незадолго до этого возвращённой Эльзаса-Лотарингии. Сегодня ФДКТ опирается на европеистскую политику.

Профсоюзы империалистического европеизма

Вторая концепция отражает условия нынешней фазы мирового противостояния: «Нам нужно перестать быть наивными в международных экономических обменах: социальные и экологические положения имеют основополагающее значение. [...] Эти потребности – вопрос европейской промышленной политики и более агрессивной европейской торговой политики». Экологическое поколение принимает вызов

глобальной конкуренции, в которой настоящей целью остаётся Китай.

Всё это принимает форму запроса на «государственную помощь компаниям», сопровождаемого требованием «интегрировать представителей рабочих в корпоративное управление». В этом мы видим действия, созвучные с теми, что предпринимает ИКПТ, собирающая подписи в поддержку закона о народной инициативе, направленного на содействие вхождению работников в советы директоров и обеспечение их участия в прибылях компаний посредством широкого владения акциями. Формы этого процесса могут варьироваться в зависимости от национальных политических традиций, и вот мы видим, как иллюзия об участии в управлении окутывает тред-юнионизм во Франции, Италии и Германии. Это путь к подчинению интересам европейского империализма.

ФДКТ под знаком преемственности

На смену Берже во главе ФДКТ пришла 46-летняя Мэрилиз Леон, родившаяся в Ле-Мане в семье бретонцев. Газета *Le Figaro* от 14 ноября 2018 г., опубликовавшая биографию Леон, когда последняя была вторым номером в ФДКТ и главой делегации на переговорах о реформе пособий по безработице, представила Мэрилиз как «рок-н-ролл-маму», практикующую полумарафон и полёты на парашюте; она мечтала стать пилотом авиакомпании или певицей, но в итоге стала химиком. В профессиональном плане она отвечала за экологическую безопасность в консалтинговой компании, а затем работала над обучением представителей персонала по вопросам, касающимся условий труда и безопасности.

Этот выбор под знаком преемственности. Сам Берже характеризует Леон как «трудолюбивую», и «хорошо знающую мир труда, временами более тонко воспринимающую его процессы», чем тот же уходящий секретарь (*Les Echos*, 21.06.2023).

ВКТ пускается в погоню

Иначе обстоит дело с Софи Бине, избранной главой ВКТ на мартовском съезде. Её избрание стало результатом компромисса: претендентками были ещё две женщины, одну из которых поддерживал предшественник Филипп Мартинес, а другую – «фронта» внутренних критиков. «Ни тем, ни другим не удалось навязать себя. [...] Открылся вакуум, в котором оказалась Бине» в качестве «объединяющего решения», – пишет *Le Monde* (20.06.2023).

Новый 41-летний секретарь происходит из семьи управленцев: её отец – градостроитель, а мать – социальный работник. Хотя, по словам Бине, её родители были неверующими – «почти антиклерикалами» – и некрещёными, сама Софи, возмущённая социальным неравенством, в возрасте 15 лет присоединилась к Рабочей христианской молодёжи (*Jeunesse Ouvrière Chrétienne*, JOC). Затем в Нантском университете она открыла для себя студенческий профсоюз и в 1999 г. присоединилась к Национальному союзу студентов Франции (UNEF), а точнее к его крылу, близкому к Французской коммунистической партии (ФКП), и дослужилась в нём до должности в Национальном офисе. В 2006 г. Бине была в авангарде победоносной борьбы против Закона о первом найме (CPE), который да-

СУТЬ МОМЕНТА

«Китай близко» – так назывался фильм, который в конце 1960-х гг. сопровождал распространившуюся в кругах интеллектуалов маоистскую моду и студенческие волнения. Легенда о крестьянском социализме и Культурной революции, в рамках которой деревни Третьего мира должны были окружить города индустриального мира, туманила мозги на факультетах и в редакциях половины Европы. Маоистский миф – популистская оболочка молодого китайского капитализма – вступил в конкуренцию с другой великой исторической подделкой – мифом, выдававшим государственный капитализм в СССР за социализм. В этих теоретических и политических баталиях были выкованы первые поколения нашей партии, и когда в 1969 г. на реке Уссури произошло военное столкновение Москвы и Пекина, эти пушки, вопреки внушениям сторонников фальшивого социализма, ясно продемонстрировали: СССР и Китай строят капитализм, а не социализм, сталкиваются в Азии и соперничают за влияние в молодых державах, возникающих в результате деколонизации.

Спустя более полувека Китай действительно близко, теперь он – глобальный экономический гигант, мировая фабрика, производящая почти треть мировой продукции, и экспортёр капитала по Шёлковому пути. Китайский империализм – новый претендент на передел сфер влияния, а державы старого порядка находятся в смятении. Шаг за шагом Вашингтон, стремящийся к сдерживанию Пекина, укрепляет механизмы альянсов в Европе и Азии. ЕС отчасти колеблется, а отчасти следует этому примеру, находясь под давлением войны на Украине; с Японией происходит то же самое, но она всё же перевооружается и уже заключила беспрецедентный союз с Южной Кореей и США. Россия находится в угрожающем положении: потеряв европейский берег, она опасается, несмотря на провозглашённую дружбу без границ, возрождения прежнего соперничества, но в условиях, когда Китай обладает подавляющим преимуществом. Более того: размер китайской экономики сейчас таков, что угрозу представляет даже её внутренний кризис. После попыток замедлить развитие Пекина и тыкать пальцем в его дирижизм финансовые рынки Лондона, Нью-Йорка и Франкфурта надеются, что государственные органы Китая смогут справиться со взрывом ипотечного пузыря и сдержать распространение инфекции по всему миру.

Начинаются годы беспрецедентных потрясений; новые идеологии: протекционизм, расизм, суверенная Европа, защищающая свою экономику, крепость Европа, ограждающая от мировых угроз – пытаются размягчить мозги и использовать страхи масс. Против европейского империализма и против всех империализмов революционный коммунизм должен принять вызов века.

вал предпринимателям право увольнять молодых работников в течение двух лет после приёма на работу. В рамках этой кампании Бине и установила связи с ВКТ.

В политическом плане Бине голосовала за Робера Ю из ФКП на президентских выборах 2002 г., но затем присоединилась к Социалистической партии, от которой отрёклась в 2012 г. в начале мандата Франсуа Олланда, обвинённого ею в «предательстве предвыборных обещаний». «Социалистический» секретарь – это уже новинка для верхушки ВКТ, но настоящая аномалия заключается в другом.

«Карта последнего шанса»

Работая консультантом по образованию в средних школах, Бине с 2018 г. возглавляла в ВКТ Всеобщий союз инженеров, менеджеров среднего звена и технических специалистов (UGICT), целью которого является представление на уровне профсоюза наиболее квалифицированной и часто наименее принимаемой во внимание части наёмных рабочих.

В центре первого интервью Бине, опубликованного 2 апреля газетой *L'Humanité*, находятся слои служащих: по словам Софи, к этой категории относится почти 50 % рабочей силы, но «ВКТ не смогла решить проблемы этих работников»; по мнению Бине, ВКТ уступила роль первого профсоюза ФДКТ именно из-за отсутствия права голоса у этих работников.

Бине обещает вернуть утраченные позиции. По мнению *Le Monde* (7.04.2023), «это карта последнего шанса» для ВКТ, находящейся в затруднительном положении.

Иммигранты и инженеры

Проблема присутствия профсоюзов в кругах служащих и технических специалистов актуальна повсюду, в том числе и в Италии. С точки зрения защиты прав ими нельзя пренебрегать: например, стремление некоторых компаний (но не всех) в своих договорах поглощать увеличение отдельных выплат сверх минимальных, фактически отменяя их, не должно остаться без реакции, и это проблема, которая особенно ощущается этими категориями.

Это один из аспектов реальности, в которой наш класс становится всё более стратифицированным: мир наёмных рабочих включает в себя как рабочих-иммигрантов, так и инженеров, как низкооплачиваемых рабочих, так и тех, у кого более высокая заработная плата, однако всех их объединяет подчинение капиталу и неуверенность в будущем компаний. Защита заработных плат – это лишь «тред-юнионистский минимум», но единство класса достигается только в борьбе за высшую общественную форму, и инструмент этой борьбы – ленинистская партия.

Lotta comunista, июль – август 2023 г.

Лондон готовится к высадке в Тихом океане

В интервью *Financial Times* в октябре 2018 года Синдзо Абэ, на тот момент премьер-министр Японии, пообещал, что после исторического развода с ЕС Великобритания будет принята в Транстихоокеанское партнёрство (ТТП) «с распростёртыми объятиями». Тогда это соглашение о свободной торговле только получило старт после его перезапуска Японией под новым названием СРТРП вслед за выходом США Дональда Трампа. Транстихоокеанские амбиции правительства Терезы Мэй могли показаться эксцентричными; сегодня же цель близка, но она остаётся скромным тактическим успехом по сравнению со стратегической катастрофой Брексит, сделавшей её возможной.

Ограниченные выгоды

Переходный период, в результате которого Великобритания покинула единый европейский рынок, завершился в 2020 году, правительство Бориса Джонсона официально выдвинуло свою кандидатуру для присоединения к ТТП в феврале 2021-го, переговоры о вступлении начались в июне следующего года и завершились почти два года спустя, 31 марта 2023-го. Следующие шаги включают официальное подписание соглашения в июле в Окленде, Новая Зеландия, и последующую ратификацию всеми государствами-участниками. На последнем этапе нельзя исключать случайности.

Подобное медленное поступательное продвижение переговоров и многолетних процессов является закономерностью в глобальном сражении вокруг крупных торговых соглашений. Путь к Тихому океану, намеченный при Мэй и начатый Джонсоном, может завершиться успехом при нынешнем правительстве. По словам премьер-министра Риши Сунака, результат уже налицо: «Мы – нация с открытым сердцем, которая придерживается свободной торговли, и это соглашение демонстрирует реальные экономические преимущества приобретённой нами после Брексита свободы». Улучшенный доступ к региону ТТП с населением 500 миллионов человек ставит Британию «в центр динамичной группы тихоокеанских экономик, переживающих рост».

В действительности, даже по правительственным оценкам, экономические выгоды будут минимальными – дополнительные 0,08 % ВВП к 2035 году. Основная причина заключается в том, что Великобритания уже имеет соглашения о свободной торговле, унаследованные от ЕС, с девятью из одиннадцати стран ТТП, за исключением Малайзии и Брунея. Алан Битти из *Financial Times* отвергает это соглашение как «принципиально не имеющее значения для Великобритании», учитывая слабость её промышленности, ориентированной на экспорт.

Этим беспощадным экономическим оценкам можно противопоставить важный аспект защиты международной роли лондонского Сити, которую оспаривают азиатские финансовые центры, такие как Шанхай, Шэньчжэнь, Гонконг и Сингапур. Однако реальная ценность сделки, по мнению большинства аналитиков, лежит в дипломатической плоскости.

Политические итоги

Для британской прессы, ориентированной на поддержку Брексита, со-

глашение о ТТП – это триумф глобальной Британии, освобождённой от европейских федеральных ограничений. Билл Эммотт, бывший редактор *The Economist*, предсказывает на страницах *Asia Times*, что «через 10 или даже 20 лет ни один уважаемый экономист или статистик не сможет убедительно подсчитать, какую экономическую выгоду получила Великобритания». Некоторые британские экспортеры получают выгоду от ТТП, но «эти выгоды будут слишком малы, чтобы их можно было измерить» по сравнению с масштабами сил, действующих на мировом рынке. Чтобы объяснить вступление Великобритании в ТТП, по мнению Эммотта, «его следует поместить в контекст всё более тесных отношений [Лондона] с Японией и Австралией в области обороны, сдерживания в Индо-Тихоокеанском регионе, а также дипломатической поддержки либеральных институтов регулирования».

Ещё более отчётливо военно-политическую интерпретацию предлагает Джеймс Крабтри, директор сингапурского Международного института стратегических исследований IISS-Asia. Вступление в ТТП, пишет он в *Foreign Policy*, должно быть включено в «трио стратегических якорей» Великобритании, наряду с соглашением по атомным подводным лодкам AUKUS с США и Австралией и новой программой истребителей «Tempest» с Японией и Италией.

Европейский узел

Британская торговая инициатива стала возможной благодаря выходу из единого рынка и таможенного союза, но всё тот же жёсткий Брексит осложнил переговоры. Прежде чем принять Лондон в свой клуб, страны ТТП потребовали решения проблемы Северной Ирландии, которое было достигнуто в результате компромиссного «Виндзорского рамочного соглашения», подписанного Сунаком и председателем Европейской комиссии Урсолой фон дер Ляйен в конце февраля.

Связи между двумя комплексами – европейским и транстихоокеанским – многообразны: сегодня некоторые сторонники тори оценивают присоединение к ТТП как гарантию необратимости Брексита. Несовместимость правил этих двух зон не позволит будущим британским правительствам вновь вступить в Евросоюз. Даже если предположить, что это так, то речь не идёт об абсолютной гарантии, отмечает Джеймс Хил из *The Spectator*: Великобритания всегда может выйти из ТТП, предупредив об этом всего за шесть месяцев. И, напротив, в той мере, в какой Лондон будет намерен вступить в Евросоюз без существенных изменений унаследованных от ЕС правил, некоторые аналитики указывают на совместимость регулирования ЕС и ТТП.

Гипотеза о выдвижении европейской кандидатуры на участие в ТТП циркулирует уже несколько лет; среди сторонников – Сесилия Мальмстрём, бывший комиссар Европы по торговле, сейчас работающая в Институте Петерсона в Вашингтоне. Среди стран ТТП также появлялись признаки заинтересованности: год назад мы сообщили о явном призыве со стороны министра иностранных дел Сингапура. Хотя этот вопрос, похоже, не стоит на повестке

дня, членство Европы в ТТП не исключено. С новым поворотом истории, после того как Лондон разрубил мосты через Ла-Манш, он может вновь оказаться вместе с континентом в евро-транстихоокеанской торговой зоне.

Китайский тест

Теперь, когда с британским досье покончено, для ТТП открывается острый китайский вопрос. Пекин официально подал свою заявку 16 сентября 2021 года, что стало немедленным ответом на соглашение в области безопасности AUKUS, о котором объявили Вашингтон, Лондон и Канберра. Неделю спустя поступила столь же неоднозначная заявка Тайваня. Далее в очереди стоят три небольших латиноамериканских государства: Эквадор, Коста-Рика и Уругвай. Другие азиатские средние державы заявили о своём намерении подать заявку в будущем.

Согласно риторике некоторых британских комментаторов, именно Лондон, последний принятый участник, будет отвечать за закрытие двери и предотвращение вступления Китая, используя своё право вето. Такова чёткая позиция Лиз Трасс, которая до своей короткой и катастрофической карьеры в качестве премьер-министра инициировала переговоры о вступлении в ТТП, будучи министром торговли в правительстве Джонсона. «Очень важно, чтобы любая идея о членстве Китая была исключена, – писала Трасс в Твиттере, – и я ожидаю, что британское правительство выступит против любого подобного предложения».

Позиция Японии более осторожна: Транстихоокеанское соглашение открыто для всех, но, как говорится в редакционной статье газеты «Ёмиури Симбун», «правила не должны быть смягчены, чтобы позволить вступить новым участникам», и на данный момент «считается, что Китаю трудно присоединиться к ТТП, который требует высокого уровня либерализации». В этом смысле переговоры с Лондоном приводятся как важный прецедент, поскольку в них не было сделано никаких значительных отступлений. По оценке Эммотта, который насмешливо использует термин, характерный для европейского процесса, Британия должна была принять *acquis communautaire*¹ ТТП.

Американская тайна

Премьер-министр Японии Фумио Кисида продолжает призывать к возвращению США, как это всегда делали различные правительства участниц ТТП, после неожиданного выхода из него по распоряжению президента Трампа в 2017 году. «Парадокс в том, что это творение США», – отметил бывший генеральный директор ВТО Паскаль Лами, по словам которого выход Вашингтона из ТТП «является своего рода исторической загадкой, над которой историки, вероятно, всё ещё будут работать и через 50 или 60 лет».

Огорчение Азии по поводу вакуума, оставленного США в ТТП, не означает автоматической оппозиции Пекину. Некоторые страны, такие как Сингапур и Малайзия, открыто выступают за вступление Китая. В последние месяцы правительство Австралии также прилагает все усилия для улаживания торгового конфликта с Пекином и прямо

включило в свои переговоры «зелёный свет» для вступления Китая в ТТП.

Обозреватель *Financial Times* Эдвард Льюс даже утверждает, что «в настоящее время Си имеет все шансы привести Китай в ТТП в течение ближайших двух-трёх лет, что станет геополитической катастрофой для США». Именно потому, что последнее суждение кажется вполне обоснованным, можно подумать, что предупреждения о возможном вступлении Китая в ТТП также являются инструментами давления на США. В какой-то момент они могут быть использованы самим Белым домом, чтобы заставить непокорный Конгресс пересмотреть его позицию против международных торговых инициатив.

ВТО и ТТП между дуэлянтами

Помимо дипломатической ценности для Лондона, некоторые британские таблоиды превозносят ТТП как костыль для всё более хромоющего либеристского цикла, как знак возможной многосторонности. Транстихоокеанское соглашение, особенно с учётом перспектив его расширения в Азии и Латинской Америке, даже подаётся в качестве новой глобальной рамочной альтернативы ВТО, много лет находящейся в кризисе.

По мнению Мартина Вульфа, многолетнего автора экономических статей в *Financial Times*, в условиях растущей напряжённости между США и Китаем другие страны должны «создать соглашение о свободной торговле, построенное на принципах Всемирной торговой организации, но выходящее за её рамки. Ядро такого соглашения уже существует», и это именно ТТП, к которому «следует добавить Атлантический и Индийский океаны. Но также [следует] оставить сверхдержавы за пределами». Вульф, похоже, указывает на то, что ТТП будет распространяться, по крайней мере, на ЕС и Индию, тогда как США и Китай окажутся исключены, потому что «остальной мир всё ещё может сотрудничать». Это предложение кажется довольно наивным, если исходить из реальности отношений силы между державами. Предполагается, что сражающиеся гиганты, Вашингтон и Пекин, будут беспомощно наблюдать за тем, как третий полюс Европы объединяется в ось с Японией и Индией.

Перспективы расширения ТТП также связаны с другим долгосрочным проектом, периодически вновь предлагаемым правительствами различных стран: он предусматривает сближение и объединение с другим крупным торговым соглашением в Азии с участием Китая, ВРЭП, в зону свободной торговли, охватывающую весь Азиатско-Тихоокеанский регион. Эти многосторонние варианты, являясь наследием либеристского цикла, остаются на столе империалистического противостояния, где державы всегда играют всеми имеющимися в их распоряжении картами. Между тем, знаком эпохи является ускорение мирового перевооружения.

Lotta comunista, апрель 2023 г.

1 – Термин, используемый в праве ЕС для описания совокупности норм, принципов и правил, которые обязательно должны быть сохранены в процессе деятельности и развития организации.

Терра инкогнита для ВТО

Британский эксперт из европейского исследовательского центра ECIPE Дэвид Хениг пишет, что 2022 год стал «переломным моментом для многих аналитиков торговой политики, которые осознали, что старая система, основанная на центральной роли правил ВТО, умирает». Либерализация торговли больше не является приоритетной задачей, во всех великих державах усиливаются черты экономического национализма. «Таким образом, актуальными лозунгами – по крайней мере на данный момент – должны быть сложность и двусмысленность просто потому, что существует слишком много разных интересов, чтобы можно было найти простые решения». Становящийся всё более многополярным мир проверяет на прочность принцип многосторонности.

Американская неизвестная

По версии Хенига, Вашингтон и Брюссель будут оспаривать правила ВТО, в частности, в отношении государственных субсидий, утверждая, что Пекин никогда не отказывался от инструментов государственного капитализма. Таким образом, в вопросе перезапуска промышленной политики европейцы согласны с американцами, но присоединяются к китайцам в их стремлении сохранить многосторонний подход. «Китай и ЕС хотят сохранения ВТО и участвуют в соглашениях о свободной торговле. Хотят ли того и другого США – открытый вопрос».

Действительно, намерения ведущей мировой державы скрывает покров неопределённости, и это неизбежно сказывается на перспективах ВТО, а в более общем плане – на эволюции либеристского цикла в целом. Администрация Джо Байдена заявляет о формальной поддержке ВТО, но при этом не спешит восстанавливать её апелляционный орган, который заблокирован с конца 2019 года из-за американского вето на назначение новых судей. В декабре прошлого года суд в Женеве занял позицию Китая, подавшего иск против тарифов на сталь и алюминий, введённых президентом Дональдом Трампом, который воспользовался исключением, связанным с соображениями национальной безопасности. Администрация Байдена открыто отклонила вердикт и в январе подала апелляцию «в пустоту» в тот же апелляционный суд, выведенный из строя из-за собственного обструкционизма, что фактически парализовало судебную инициативу ВТО. Это и другие решения Байдена пока подтверждают, что его линия наследует одностороннему повороту Трампа, в своё время возмущившему круги, традиционно связанные с либеристским консенсусом в США.

Вынужденный ход

На февральской конференции по безопасности в Мюнхене торговый представитель США (USTR) Кэтрин Тай заявила, что США были «абсолютно последовательными в своей полной приверженности принципам многосторонности и Всемирной торговой организации как института и в то же время приверженности нашим обязательствам в области национальной безопасности». По словам Уильяма Райнша из вашингтонского CSIS, это утверждение «смехотворно»: нельзя рассчитывать на поддержку ВТО, если не признавать её авторитет каждый раз, «когда результат вам не нравится». Действия Байдена «не толь-

ко односторонние, они подрывают основанную на правилах систему, которую мы защищали так много лет».

Другая точка зрения состоит в том, что женевский арбитр, утверждая, что отрицает легитимность аргумента о национальной безопасности в отношении тарифов Трампа, тем самым нарушает американский суверенитет. Бывший сотрудник офиса USTR Брюс Хирш в январском комментарии для *The Hill* утверждал, что ответная реакция Америки была неизбежна: «[Любой] президент США со времён Трумэна сделал бы то же самое [...] даже в те десятилетия, когда США были в авангарде продвижения многосторонней торговой системы». По мнению Хирша, действительной ошибкой было ставить ВТО в такую безвыходную ситуацию. Одобрив американские тарифы, она оставила бы безнаказанным явное нарушение международных норм; отклонив их, она подтолкнула США к игнорированию вердикта, подорвав доверие к себе и, прежде всего, «значительно усложнив» важнейшую задачу по восстановлению консенсуса относительно реформы ВТО.

Дипломатия за работой

В течение многих лет международная пресса описывала ВТО как неизлечимо большую, однако организация продолжает выполнять большинство своих обычных функций. В последние месяцы её руководство в Женеве даже обсуждало сроки проведения общей реформы системы, согласно мандату, полученному на последней министерской конференции, прошедшей в июне 2022 года. Может быть, мы имеем дело со спазмами умирающего учреждения, не подозревающего – в силу своего парламентского кретинизма, присутствующего в том числе и международным ассамблеям, – что настоящие решения принимаются в другом месте? Более правдоподобным кажется, что великие державы, в том числе Соединённые Штаты, действительно заинтересованы в сохранении ВТО – исторической опоры мирового порядка, рождение которой в первоначальной форме ГАТТ восходит к 1947 году.

Официально все страны-члены выступают за реформу ВТО, но международный консенсус рухнет, когда дело доходит до обсуждения её конкретных контуров. Генеральный директор ВТО нигерийка Нгози Оконджо-Ивеала поясняет, что в настоящее время переговоры сосредоточены именно на механизме разрешения споров. *Politico* раскрывает некоторые предложения США: обращение ко второй ступени решения Апелляционного органа должно производиться с согласия обеих сторон, участвующих в юридическом споре, т. е. должно стать добровольным, а ВТО должна отказаться от рассмотрения дел, связанных с соображениями национальной безопасности. Сложно представить, что другие державы согласятся с такими тезисами, даже в качестве исходных переговорных позиций, и это подтверждает явную изоляцию США в женевской игре.

Европа в качестве заменителя?

Битва не будет быстрой: по данным *Politico*, Вашингтон намерен отложить какие-либо решения по реформе ВТО до конца 2024 года, когда пройдут президентские выборы. Конечно, нет ничего нового в том, что международные обязательства Соединённых

Штатов обусловлены внутривнутриполитическим циклом, но, возможно, менее очевиден тот факт, что другие крупные столицы, начиная с Брюсселя и Токио, готовы ждать, связывая судьбу ВТО с переизбранием Байдена.

Алан Вулф, ветеран торговой политики США и экс-заместитель генерального директора ВТО, призывает к тому, чтобы инициативу проявила Европа. Из трёх крупнейших торговых держав мира – Китая, Европейского союза и США – «только ЕС в настоящее время обладает ценностями, экономическими интересами и потенциалом для проведения реформы многосторонней торговой системы». Брюссель должен признать, что «США больше не являются партнёром и гарантом торговой системы», и возглавить процесс реформ. «ЕС должен заручиться поддержкой средних держав, таких как Канада, Австралия и Швейцария, и усердно работать, чтобы привлечь восходящие экономики, такие как Бразилия, Индонезия и Нигерия».

Идея Вулфа, который сейчас работает в Институте Петерсона, предусматривает исключение США и Китая из числа претендентов на лидерство с целью получить возможность выйти из тупиковой ситуации в ВТО, а затем вернуть их на борт реформированного института. Следуя аналогичной логике, Вашингтон приветствовал вмешательство Японии, взявшей на себя руководство Транстихоокеанским партнёрством (ТТП) после выхода из него США, инициированного Трампом. Похоже, что некоторые либеристские течения в США не побрезгуют временно передать командование многосторонними инициативами союзникам в надежде на то, что смогут вернуть себе управление, как только восстановится внутривнутриполитический консенсус.

Все за исключением США

Предложения, подобные тем, что выдвигает Вулф, имеются и по другую сторону Атлантики: речь идёт о недавних интервенциях в *Telos* и *Les Echos* француза Паскаля Лами, бывшего европейского торгового комиссара и генерального директора ВТО с 2005 по 2013 год. «Видимо, американский протекционистский разворот готовился давно и, вероятно, будет сохраняться ещё долгие годы. Когда ведущая экономическая и, следовательно, политическая мировая держава освобождается от многосторонней торговой системы, у остального мира есть два варианта действий [и оба являются] проблемными». Первый – следовать за США по территории протекционизма, притом не обладая их силой, и обострять тем самым накал мирового противостояния. Альтернативная и «наиболее разумная стратегия», по словам Лами, состоит в том, чтобы «создать коалицию Север – Юг для продвижения открытой торговли», не навязывая западные стандарты и начав с защиты окружающей среды. «Такая коалиция начнётся с того, что уже существует, но сначала без американцев, в надежде создать [для них] невыгодное положение, которое заставит их изменить свою позицию».

Ещё в годы правления Трампа Лами выдвинул экстремальный сценарий «ВТО без США». Главный невысказанный тезис, который, кажется, вступает в непримиримое противоречие с желанием американца Вулфа, состоит в том, что «Коалиция Север – Юг» Лами, исключая, хотя и временно, США, по-видимому, должна включать Китай. Такая пер-

спектива неприемлема для Вашингтона, который постоянно работает над тем, чтобы не допустить китайско-европейского сближения.

Крупная Европа

В отношении же независимой от американцев европейской инициативы Лами настроен решительно пессимистично. В интервью *Le Grand Continent* он отмечает, что война на Украине и соперничество между Китаем и США за её кулисами подчёркивают уязвимость ЕС: «Если фундаментальная линия разлома проходит между Западом и «остальными», то Европа растворяется в Западе, над которым, как мы знаем, долгое время неизбежно доминируют Соединённые Штаты по демографическим, экономическим, технологическим и военным причинам. Мои американские друзья говорят, что вашей мечте о «стратегической автономии» пришёл конец. А мои китайские друзья спрашивают меня: «В чём же тогда ваша значимость?»».

Ускорение империалистического противостояния удивило ЕС, находящийся в разгаре процесса политического и военного объединения. Лами с тревогой замечает: «В мире, который становится жестоким, союз европейцев может быть слишком неполным, чтобы выдержать испытание». У Брюсселя нет сил практиковать беспринципный унилатерализм Вашингтона, и сомнительно, что он сможет возглавить «коалицию Север – Юг» других держав в защиту многосторонности, особенно если за ширмой этого глобального юга скрывается Пекин.

В своей «Истории русской революции» Лев Троцкий писал: «Нерешительность – самое тяжкое состояние в жизни правительств, наций, классов, как и отдельного человека»¹. Болезненная нерешительность – вот состояние, в котором ВТО, этот институциональный символ либеристского цикла, теперь меняющего знак, тащится за кризисом мирового порядка.

Lotta comunista, май 2023 г.

1 – Троцкий Л. Д. История русской революции. В 2-х томах. Том 2: Октябрьская революция. Ч. 1. М.: ТЕРРА; Республика, 1997. С. 14.

Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм

272 стр., твердый переплёт, примечания, биографический справочник

ISBN 978-5-990528-7-6

Цена 300 руб.

Индо-Тихоокеанская экономическая структура: первые шаги Байдена

В мае 2022 года в Токио президент Джо Байден выступил с собственной инициативой в области торговой политики в Азии – проектом Индо-Тихоокеанской экономической структуры (IPEF). После года переговоров министр торговли Джина Раймондо объявила о предварительной вехе: «первом в своём роде» соглашении, которое направлено на поиск «практических решений для создания более устойчивых и диверсифицированных цепочек поставок». Суть соглашения неясна и пока подтверждает впечатление об IPEF как о недостаточной альтернативе Транстихоокеанскому партнёрству (ТТП).

Рамка для картины

С самого начала конструирования Индо-Тихоокеанской экономической структуры её главное политическое достоинство заключалось в обширности, поскольку она охватывает США, Японию, Индию, Южную Корею, Австралию, Новую Зеландию, Индонезию, Малайзию, Вьетнам, Таиланд, Сингапур, Филиппины, Бруней и Фиджи. Для США очевидна ценность получения доли азиатского рынка с населением более двух миллиардов человек, не считая Китая, за столом торговых переговоров.

Однако в этих широких рамках сама картина остаётся едва намеченной. 27 мая министр Раймондо объявила о «завершении переговоров по существу» только по одному из четырёх направлений проекта IPEF, а именно по цепочкам поставок. Соглашение, которое ещё не было закреплено, предусматривает координацию усилий между странами-участницами, которая будет осуществляться через три новых специализированных органа. «По сути, участники IPEF создали основу для решения вопросов, связанных с цепочками поставок, но большую часть фактической работы ещё предстоит обсудить и согласовать», – считает Венди Катлер, вице-президент Института политики Азиатского общества, 30 лет проработавшая представителем правительства США на торговых переговорах.

В комментариях *Financial Times* и *The Economist*, а также в критике со стороны китайских газет IPEF предстаёт «говориливней», площадкой, где участники высказываются по кругу, не прибегая к конкретным действиям. Чад Боун, эксперт Института Петерсона, напоминает о тревожном прецеденте «Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО, который в течение 15 лет не дал никаких результатов, а потом и вовсе был окончательно сорван».

Бизнес в оппозиции

Соглашение по цепочкам поставок призвано предотвратить повторение дисфункции, возникшей во время пандемического кризиса, поясняет Раймондо, вспоминая, как остановка производства полупроводников в Малайзии привела к простоям и увольнениям на автомобильных заводах в Мичигане. Министрская встреча IPEF проходит в Детройте, исторической столице обрабатывающей промышленности США, что делает вотум недоверия со стороны ведущих представителей американского капитала ещё более убедительным.

В письме правительству деловая ассоциация Business Roundtable, Торговая палата США, Национальная ассоциация производителей (NAM) и десятки других деловых организаций заявляют, что они «всё более обеспокоены тем, что

содержание и направление предложений администрации по переговорам рискуют не только не привести к значимым стратегическим и коммерческим результатам, но и поставить под угрозу экономические и торговые интересы США в Индо-Тихоокеанском регионе и за его пределами». В своём нынешнем виде IPEF отвергается как ненужная и даже вредная структура. «Предпринимательское и аграрное сообщество США сожалеют о решении администрации не вступать в переговоры по устранению тарифов и других барьеров» на пути экспорта.

Обращаясь к «традиционным торговым приоритетам» США, деловые объединения открыто выступают против доктрины «нового Вашингтонского консенсуса», выдвинутой советником по национальной безопасности Джейком Салливаном и объявляющей классические соглашения о свободной торговле устаревшими. На протяжении многих лет эти же бизнес-ассоциации добивались возвращения США в ТТП, от которого Трамп отказался в 2017 году.

Соглашения исполнительной власти

На страницах *The Hill* специалист Джорджтаунского университета Марк Буш задаётся вопросом: «Почему же администрация Байдена пытается изобрести велосипед заново?» Иначе говоря, почему бы ей не вернуться к ТТП и традиционным соглашениям о либерализации торговли, как того требуют крупные американские бизнес-группы и другие страны мира?

В терминах материалистического анализа налицо политический дисбаланс. Одно из возможных объяснений связано с расстановкой сил между законодательной и исполнительной ветвями власти в Вашингтоне. Конституция наделяет Конгресс полномочиями «регулировать торговлю с иностранными государствами», однако именно Белый дом проводит внешнюю политику и ведёт переговоры о заключении международных соглашений. С 1930-х годов парламентская ветвь власти делегирует правительству полномочия в области торговли в рамках временного механизма *Trade Promotion Authority*, так называемого «ускоренного пути» (*Fast Track*). Он оставляет за Конгрессом право окончательной ратификации, однако производимой в короткие сроки и без внесения поправок. Во время своего второго срока президент Барак Обама путём кропотливых усилий добился реализации *Fast Track*, довёл переговоры по ТТП до успешного завершения, но затем не нашёл ни времени, ни желания бороться за ратификацию в парламенте. Теперь же администрация Байдена отменила *Fast Track* и предлагает различные международные экономические соглашения, которые, так как они не меняют уровень тарифов, могут быть одобрены исполнительными указами президента. Однако такая возможность обойти Конгресс уже оспаривается Ронам Уайденом, сенатором-демократом от штата Орегон и главой влиятельного финансового комитета.

Либеристский Китай

По мнению представителя МИД КНР Мао Нинга, дирижистский подход IPEF наносит ущерб естественному функционированию мировой экономики, где «промышленные и производственные цепочки формируются и развиваются в соответствии с законами рыночной динамики и корпоративного выбора».

По мнению редакции газеты *China Daily*, IPEF – это «тройной конь США», обречённый на провал, поскольку он «противоречит законам рынка». *Global Times* пишет, что «длительная атака Вашингтона против «сделано в Китае» по сути противоречит глобализации, закону развития капитала и экономическим законам».

Ирония судьбы заключается в том, что Пекин дерзает дать Вашингтону пощёчину невидимой рукой Адама Смита после того, как на рубеже веков Китай долгие годы тщетно боролся за получение «статуса рыночной экономики», предусмотренного соглашениями о вступлении в ВТО. Мы уже давно наблюдаем смену ролей: Китай подхватил историческое знамя англосаксонского либерализма, найдя большее сочувствие и в остальном развивающемся мире, который с подозрением смотрит на трудовые и экологические стандарты, связанные с торговыми инициативами Запада. Среди различных критических замечаний в адрес «нового Вашингтонского консенсуса», сформулированного во время президентства Байдена, бывший министр финансов США Лоуренс Саммерс привёл жалобу политических лидеров развивающихся стран: когда они имеют дело с американцами, им читают лекции о правах человека, а когда с китайцами, получают аэропорт.

Азиатская осторожность

Среди азиатских партнёров по IPEF преобладает позиция, выражающая удовлетворение возобновлением инициативы Вашингтона в регионе, но в то же время сетующая на отсутствие реального предложения в направлении облегчения доступа к американскому рынку и пытающаяся приглушить антикитайскую интерпретацию инициативы. Так, например, на передовице *Korea Times* новость о заключении первого соглашения в рамках IPEF получила яркое освещение. Отмечается, что оно «не содержит таких терминов, как «разъединение» (*decoupling*) или «снятие рисков» (*de-risking*), которые могли бы спровоцировать Китай», и указывается, что правительство Сеула обещает поддерживать тесные экономические связи с Пекином.

В редакционной статье крупнейшей японской газеты «Йомиури Симбун» отмечается, что «соглашение также направлено на снижение зависимости от Китая в области важнейших материалов», в частности, необходимых для зелёного перехода. «С другой стороны, многие страны АСЕАН имеют глубокие экономические связи с Китаем и хотели бы избежать чрезмерного провоцирования Пекина. Для Японии будет важно выступить в роли связующего звена между ним и США». В то же время, напоминает издание, Китай подталкивает азиатскую интеграцию с помощью соглашения ВРЭП и настаивает на своём вступлении в ТТП: «Чтобы решительно пресечь эти попытки Китая, Япония должна продолжать убеждать США в том, что возвращение Вашингтона в ТТП абсолютно необходимо». Даже Токио, похоже, задаётся вопросом, зачем изобретать велосипед.

В статье для *Foreign Policy* аналитики Келли Грико (Центр Стимсона) и Дженнифер Кавана (Фонд Карнеги) утверждают, что страны Индо-Тихоокеанского региона отказываются выбирать лагерь в противостоянии США и Китая и «активно выбирают третий путь»:

«Даже Токио и Канберра, ближайшие союзники Вашингтона в регионе, стремятся к разновекторности». Поддержание отношений с Пекином – «экономическая необходимость, поскольку Китай является их основным торговым партнёром и инвестором».

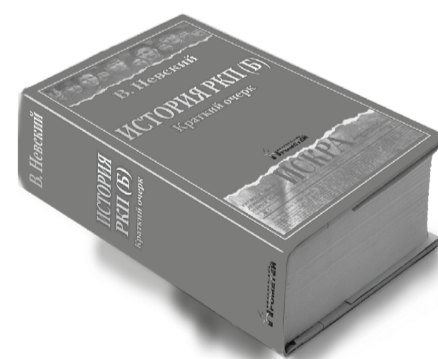
Крупный порядок

Именно согласно этой логике многостороннего взаимодействия закономерно то, что страны региона приветствуют американскую инициативу IPEF. Не исключая Пекин и включая Вашингтон, а также Токио и Дели, она создаёт ещё одну параллельно развивающуюся институцию. Благожелательная интерпретация – сложное многополярное равновесие, реальность – всё более тесная и ожесточённая борьба за передел. Мартин Вулф в *Financial Times* оспаривает модную фразу о «веке Азии», утверждая, что «Азия – это скорее арена, чем действующее лицо». В этих словах он как бы подразумевает, что азиатское империалистическое соперничество только начинается, что победа Китая не является преддetermined фактом и, конечно, не будет бескровной.

В своей статье для журнала МВФ «Финансы и развитие» главный экономист ВТО немец Ральф Осса призывает «помнить, что многосторонняя торговая система – это историческое достижение международного сообщества, а не естественное состояние международной торговой политики». Бреттон-Вудский порядок, основанный на крупных международных организациях, таких как МВФ, Всемирный банк и ВТО, «был создан в созидающий момент после Второй мировой войны, после трёх катастрофических десятилетий деглобализации».

Такие храмы либеральной мысли, как *Financial Times* и ВТО, косвенно признают, что окончательная судьба любого империалистического порядка – насильственный разрыв. Эта уверенность лежит в основе ленинской стратегии.

Lotta comunista, июнь 2023 г.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения, статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист в своих
ранних работах», «Философия
мёртвой реакции», карты, схемы
и иллюстрации, примечания,
хронология, библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Испытание МЕРКОСУР демонстрирует европейское отставание

В июне 2019 г. Еврокомиссия и правительства стран МЕРКОСУР: Бразилии, Аргентины, Уругвая и Парагвая – завершили переговоры о свободной торговле, длившиеся двадцать лет. После того, как были заключены соглашения с Канадой и Японией, европейское председательство Жана-Клода Юнкера увенчалось третьим крупным торговым соглашением. Предварительное политическое соглашение с МЕРКОСУР, о котором было объявлено на сцене Большой двадцатки в Осаке, стало ярким либеристским сигналом ЕС, направленным против тенденции к отступлению президента США Дональда Трампа и Брексита.

Мосты и клетки

«Стройте мосты, а не стены», – таков был девиз тогдашнего комиссара ЕС по торговле Сесилии Мальмстрём. Однако в последние четыре года строительство трансатлантического моста в сторону МЕРКОСУР блокируется именно на европейском берегу. Группа стран во главе с Францией воспрепятствовала ратификации соглашения, потребовав возложить на латиноамериканских партнёров большие обязательства в области защиты окружающей среды. В попытке разблокировать ситуацию в марте прошлого года Еврокомиссия предложила МЕРКОСУР интерпретирующий инструмент, который, не изменяя договор, сделал бы экологические меры, представленные в тексте, более строгими. Президент Бразилии Луиса Инасиу Лула да Силва сказал, что это европейское предложение «неприемлемо», поскольку подразумевает «угрозы санкций» в случае нарушения климатических соглашений.

Президент Франции Эммануэль Макрон хотел бы, чтобы «зеркальные положения» вынуждали южноамериканских фермеров и животноводов следовать тем же экологическим стандартам, которые соблюдаются в Европе. Это одна из форм взаимности – мантры ЕС во всех торговых переговорах, который делает вид, что не замечает различий в уровнях капиталистического развития вовлечённых наций. Европа, которая хочет быть *нормативной державой*, претендует на экспорт своих производственных стандартов за океан. С другой стороны, экс-комиссар по торговле Паскаль Лами призывает понять точку зрения «развивающихся» стран, которые опасаются попасть в ловушку правил ЕС и обвиняют его в регуляторном империализме, протекционизме и «зелёном» неокOLONIALИЗМЕ.

Отложенный тест

Решающей встречей считается саммит ЕС и СЕЛАК (сообщества из 33 стран Латинской Америки и Карибского бассейна), состоявшийся 17–18 июля в Брюсселе. Накануне саммита около двадцати европейских бизнес-ассоциаций опубликовали письмо, в котором просили институты сообщества «быстро ратифицировать соглашение ЕС – МЕРКОСУР». В частности, *Financial Times* считает, что только это могло бы стать настоящей «лакмусовой бумажкой», демонстрирующей, «что [Европа] серьёзно относится к своим отношениям с Латинской Америкой». Но по завершении саммита этот тест так и не был пройден. Председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен ограничилась тем, что выразила надежду на ратификацию до конца года. Лула выдвинул встречное предложение от МЕРКОСУР

и пообещал, что в течение двух-трёх недель поступит просьба ослабить открытие промышленного сектора и государственных закупок входящих в соглашение стран, отметив, что «все страны мира» проводят «суверенную промышленную политику».

Отказавшись от выполнения требований европейских защитников окружающей среды, Лула, похоже, хочет возобновить переговоры, но уже воспользовавшись изменениями в мировом противостоянии по сравнению с 2019 г., когда соглашение было подписано его предшественником Жаиром Болсонару. Энергетический переход и пандемия увеличили вес статистических дозирок на всех широтах, и мы определили это как *глобальный кейнсианский цикл*. Комиссар по торговле Валдис Домбровскис отвергает идею Бразилии о заблаговременном изменении договора, считая, что это повлечёт за собой «очень долгие переговоры с непредсказуемым исходом». Посол Европы в Бразилии Игнасио Ибаньес, напротив, в интервью *O Estado de S. Paulo* обещает: «Мы будем гибкими. Для нас гораздо важнее договорённость, чем госзакупки, мелкие детали, которые можно закрыть по окончании переговоров». Ибаньес демонстрирует убедительный стратегический приоритет, но именно ЕС раскололся и запутался в очевидных деталях, застопорив ратификацию соглашения, объявленного в 2019 г.

«Исчезающая» Доктрина Монро

Перед лицом европейских амбиций, нацеленных на латиноамериканскую сферу влияния, бросается в глаза явное равнодушие США, несмотря на их стратегический интерес к Западному полушарию, провозглашённый ещё в XIX веке *Доктриной Монро*. Более того, переговоры ЕС и МЕРКОСУР, дебютировавшие в 1990-х гг., рассматривались прежде всего как европейский ответ на проект Всеамериканской зоны свободной торговли (Free Trade Area For Americas, FTAA), десятилетиями культивируемый Белым домом с авторитетного теоретического благословения экс-госсекретаря Генри Киссинджера. В своей книге 2001 г. «Нужна ли Америке внешняя политика?» Киссинджер писал, что без сильного присутствия Вашингтона «страны Западного полушария проведут переговоры на принципах конкуренции с другими региональными группировками [см. проект ЕС – МЕРКОСУР] или организируются сами в более мелкие группы, исключив из них Соединённые Штаты. Оба этих варианта противоречат национальным интересам США».

В своей истории торговой политики США «*Trade and American Leadership*» (2019) Крейг ВанГрасстек напоминает, что США неоднократно пытались возглавить региональные процессы в Южной Америке, но сталкивались с сопротивлением со стороны некоторых стран, вплоть до «краха инициативы или её дробления на отдельные двусторонние обязательства». В частности, по словам ВанГрасстека, историческое соперничество между США и Бразилией привело к «всеобщей антипатии к МЕРКОСУР». Некоторые группировки в Вашингтоне «видят двойную политическую и экономическую выгоду в подрыве торгового блока и с этой целью периодически заключают соглашение о свободной торговле с Уругваем». Интересно, что эта уругвайская готовность к расколу МЕРКОСУР вновь проявляется сегодня в стремлении к автономным перегово-

рам с Китаем и вхождению в Транстихоокеанское партнёрство (ТТП).

Китайское проникновение

«*Торговая интеграция Западного полушария была постоянной темой внешней политики США на протяжении почти двух столетий*», но в конечном итоге, – заключает ВанГрасстек, – «торговля и капитал не следовали за флагом так верно, как надеялись государственные деятели». Данные Bank of East Asia об общем объёме накопленных иностранных инвестиций США свидетельствуют, что доля Южной Америки достигла пика в 8 % в 1997 г., а затем снизилась до 2,2 % в 2017 г. Если сузить область до региона МЕРКОСУР, то с 5 % в 1997 г. доля упала до 1,4 % в 2022 г.: хотя в абсолютном выражении объём инвестиций в этот регион удвоился с 46 до 94 млрд долл., совокупный объём инвестиций США увеличился более чем в 7 раз – с 871 до 6.581 млрд долл. ЕС претендует на роль крупнейшего иностранного инвестора в МЕРКОСУР с ростом инвестиций со 130 млрд евро в 2000 г. до 330 млрд в 2020 г.

Господство европейского капитала скоро будет подорвано Китаем, и рост его показателей в торговой статистике, как всегда, подтверждает самую впечатляющую тенденцию последних двадцати лет. По данным МЕРКОСУР, в 2000 г. на долю Китая приходилось около 3 % импорта-экспорта южноамериканской четверки; в 2022 г. его доля превысила 25 %, что позволило Пекину зарекомендовать себя как крупнейшего партнёра группы. Завоевывая свои позиции, Китай делает это в ущерб США и ЕС, чья совокупная доля сократилась вдвое с 20 до 10 %. Те же самые двадцать лет, которые были потеряны ЕС в безрезультатных переговорах с МЕРКОСУР, стали двадцатилетием взлёта торговых отношений общего рынка стран Южной Америки и Китая. Для Пекина это важная карта, тем более сейчас, когда в условиях новой глобальной битвы за сырьё, разжигаемой энергетическим и цифровым переходами, растёт стратегическое значение латиноамериканских шахт.

Переплетающиеся переговоры

Несмотря на взаимный стратегический интерес, переговоры с ЕС безуспешно тянулись, по сути, с самого момента создания МЕРКОСУР в 1995 г. Согласно анализу Детлефа Нольте из немецкого исследовательского центра DGAP и Клариссы Корреа Нету Рибейру из Папского католического университета Сан-Паулу, эта впечатляющая задержка частично объясняет, почему заключение соглашения между ЕС и МЕРКОСУР редко было самым важным процессом для обеих сторон. Вначале «для МЕРКОСУР и, прежде всего, для Бразилии сделки с ЕС служили козырем в переговорах с США по FTAA». С другой стороны, ЕС долгое время предпочитал концентрировать свои усилия по либерализации на Дохинском раунде ВТО. В целом «межрегиональные переговоры всегда были омрачены внутренними проблемами и трудностями обоих регионов», такими как, например, расширение ЕС на восток и повторяющиеся политические и финансовые кризисы в Бразилии и Аргентине. Наконец, в течение многих лет Южная Америка находилась в стороне от большой волны сырьевой инфляции, подпитываемой нехваткой ресурсов в восходящем Китае.

Фактически после 2004 г. переговоры между ЕС и МЕРКОСУР оставались

приостановленным более десяти лет. Возобновление переговоров в 2016 г., по словам Нольте и Рибейру, являлось результатом «очень благоприятных политико-экономических условий», включая исчерпание сырьевого бума, наличие подходящих правительств в четырёх странах МЕРКОСУР и конкуренцию со стороны других крупных торговых соглашений, таких как азиатское Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП). Кроме того, для Брюсселя речь шла о том, чтобы «послать сигнал против протекционизма нового президента США Дональда Трампа, а также защитить свою позицию крупнейшего торгового партнёра МЕРКОСУР, которую вскоре, в 2017 году, занял Китай». На саммите ЕС и СЕЛАК 2015 г. канцлер Германии Ангела Меркель заявила: «Мы видели, что Китай строит очень интенсивные торговые отношения со странами Латинской Америки. Торговля между Европой и Латинской Америкой также должна быть увеличена».

Экологи в чужих лесах

«Мы просим Европу перестать лгать нам», – заявил в декабре президент Аргентины Альберто Фернандес, ведь проблема не в вырубке лесов Амазонии: «Правда состоит в том, что в Европе есть протекционистские страны, которые не хотят, чтобы наше мясо, наше зерно и наша еда поступали на их рынки». У нас нет никаких сомнений в том, что тема здоровья великих амазонских лёгких цинично эксплуатируется старыми империалистическими державами, в том числе посредством идеологическим кампаний, проводимых такими организациями, как Всемирный фонд дикой природы и Greenpeace. В 1980-х и 1990-х гг. США, возглавляемые президентом Джорджем Бушем – старшим, выступили в качестве защитника тропических лесов, в то время как реальной целью было противодействие проникновению в Бразилию японского капитала¹. Сегодня угрожающей растущей азиатской державой является Китай, и теперь экологическую карту держат в руках европейцы, но парадоксальным образом именно она препятствует их продвижению в регионе. Правительство Лулы внимательно следит за отношениями с Пекином и другими партнёрами по БРИКС, надеясь воспользоваться нынешней слабостью Европы.

На момент написания статьи судьба сделки между ЕС и МЕРКОСУР висела в воздухе. В условиях нарастающих колебаний нового политического цикла нельзя исключать провала европейской инициативы, как это произошло с США Байдена, которые не смогли восстановить ТТП, отвергнутое Трампом. Учитывая стратегическую важность соглашения между ЕС и МЕРКОСУР и ограниченный выбор альтернатив для Европы, кажется более вероятным, что между Берлином, Парижем, Бразилией и Буэнос-Айресом может быть найден решающий политический компромисс. В этом случае можно будет говорить об успехе Европы, учитывая, что в условиях ускорения мирового империалистического противостояния потраченное на такие инициативы время будет окупаться всё лучше.

Июль – август 2023 г.

1 – Cervetto A. Amazonia e terra ucraina. Marzo 1989 // Opere. Vol. 4: Prima e dopo Yalta. Milano: Lotta comunista, 2016.